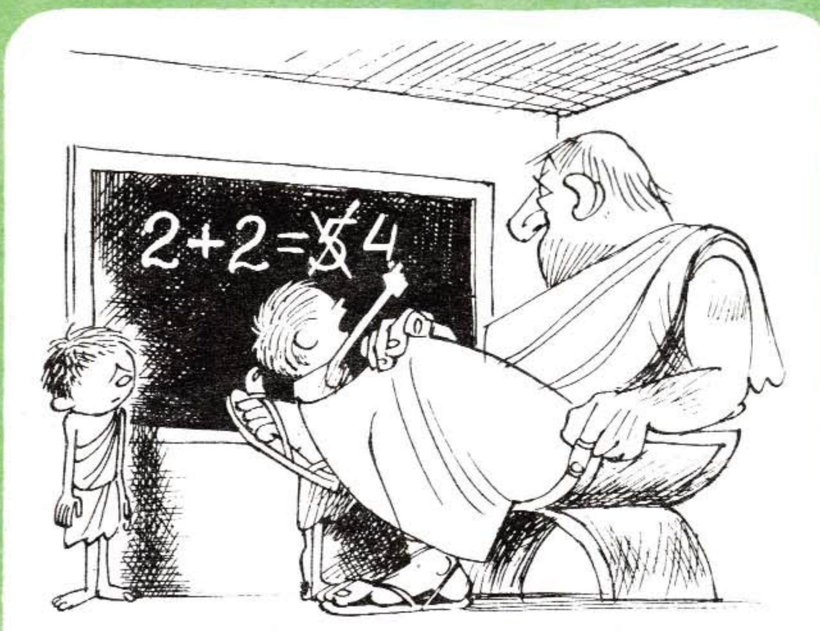
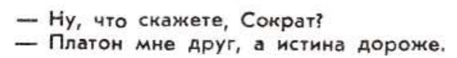
Цена номера 15 коп.
Индекс 70448.

ВЕЛИКИЕ ЗА ПАРТАМИ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

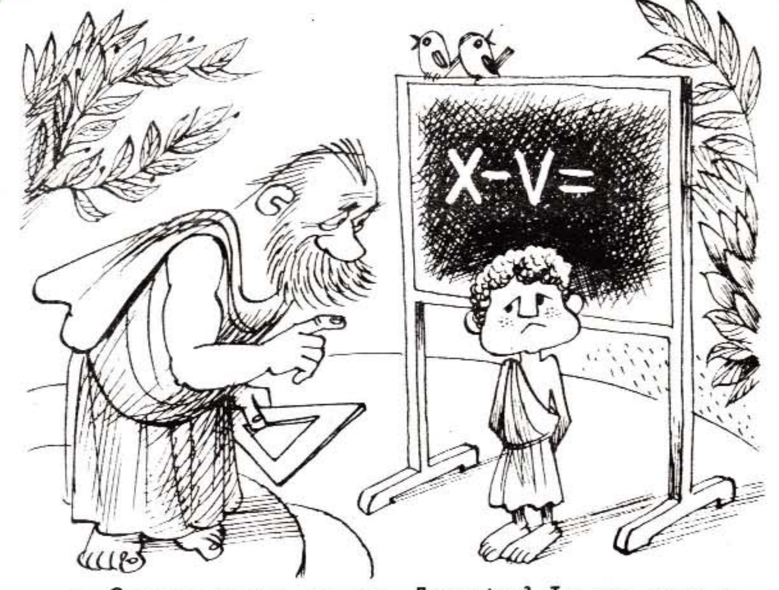

— Ну, что скажете, Сократ?
— Платон мне друг, а истина дороже.

— Ну, что, братцы, может, подвезем абитуриента?

— Бонапарт, опять за шпаргалкой полез?

— Сколько можно молчать, Демосфен? Ты что, воды в рот набрал?
— Нет, камней.

— У тебя, Цезарь, большие способности: ты ухитряешься списывать с трех тетрадей одновременно!

— Привет, Шишкин! Когда людей рисовать научишься?

КРОКОДИЛ

№ 19 ● ИЮЛЬ 1974

— Как видите, мы полностью механизировали трудоемкие процессы!

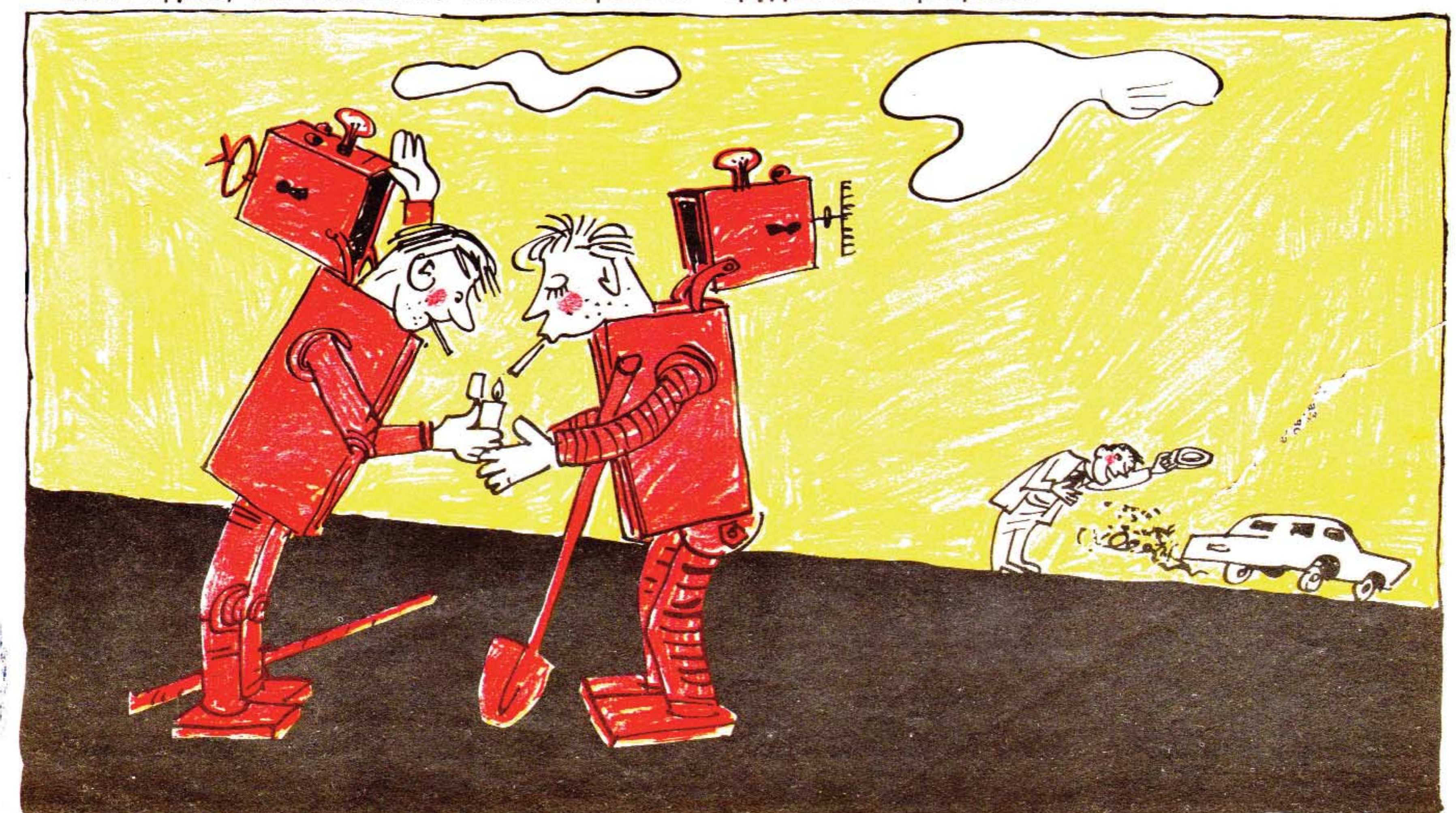

Рисунок С. СПАССКОГО

Э. ПОЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ...

Если бы служебные лица, с которыми читатель познакомится ниже, встретились с пенсионеркой Евдокией Яковлевной Астаховой в неслужебной обстановке, скажем, в каком-нибудь нейтральном скверике, они, я уверен, нашли бы с этой старушкой общий язык. Потому что лавочка в скверике — это вам не стул в кабинете, который не располагает к душевному контакту. Лавочка в сквере — мебель не должностная, она предназначена для неофициального сидения. Соседствующие на ней граждане независимо от занимаемой должности ведут друг с дружкой добросердечные разговоры, делятся биографическими данными, общими усилиями прослеживают изменчивость климата за последние полвека.

Служебные лица, с которыми читатель познакомится ниже, очутись они на одной лавочке с Евдокией Яковлевной, конечно же, обратили бы внимание на ее бледность и тяжелую одышку. И, к примеру, спросили бы:

— Что, бабуся, погода сказывается? Может, валидольчику?

А бабуся, предположим, в ответ:

— Спасибо, милый (милая), у меня что ни карман, то аптека. Чуть ли не от всех заболеваний. Поскольку я медицинская энциклопедия в натуре. Астма, гипертония, полиартрит — все мое. А сказывается на мне, сынок (дочка), не погода, а прожитая жизнь. В двадцатых годах комсомолкой на шахтах Донбасса уголек рубала. А они, может, слыхали, не санаторного типа были, шахты-то. Вода по щиколотку и ноль комфорту. И вот результат — при ходьбе напоминаю шагающий экскаватор. Правда, он без палочки.

Не исключено, что этот воображаемый диалог закончился бы так:

— Бабуся, да вы героическая личность. И к тому же не без юмора. Позвольте сопроводить вас домой. С почетом и преклонением перед вашей трудовой биографией.

Но проиллюстрируем действительные события. Живописуем служебные лица в хронологической последовательности. И, так сказать, при исполнении.

СЛУЖЕБНОЕ ЛИЦО № 1 — Корнева Александра Степановна, техник-смотритель жэка № 10 Черемушкинского района г. Москвы. Оторвавшись от строгого стула для инспектирования квартиры Евдокии Яковлевны, она звонит в дверь Е. Я. Астаховой. Звонок ее протяжен и требователен: так звонят лица, находящиеся при исполнении.

— Вы злостно нарушили пункт 18 и будете привлечены! — пригвождает она испуганную пенсионерку.

— Я, собственно, только-только из больницы и в качестве алиби могу предъявить камни, изъятые из моего организма, — дружелюбно поясняет Евдокия Яковлевна.

— Камни — это ваше личное дело, они не противоречат пункту 18, — формулирует техник-смотритель. — А вот, застеклив балкон, вы бросили вызов жэку. Немедленно убрать стекла!

— Во-первых, — говорит Евдокия Яковлевна,— балкон в таком виде достался мне от предыдущего жильца, с которым я обменялась. А, во-вторых, по состоянию здоровья я редко отваживаюсь спускаться вниз. Тем более лифта у нас нет. Балкон — мой сквер, мое спасение. Уберете застекление, и вы лишите меня прогулок. В нашем дворе сильные сквозняки. А мне, старухе, сквозняк противопоказан.

— Не по делу высказываетесь, — поморщилась техник-смотритель. — Не в разрезе пункта 18. Какое имеет отношение ваш недуг к архитектурной гармонии!

И ушла, мельком взглянув на орден, прикрепленный к стенному коврику. Орден не мог задержать ее внимания, так как не имел связи с пунктом 18. Далека была от пункта и вся многотрудная, честная жизнь Евдокии Яковлевны. Техник-смотритель контактировала не с конкретным человеком, а с обезличенным квартиросъемщиком. При исполнении не до конкретности.

СЛУЖЕБНОЕ ЛИЦО № 2 — Грязнова Екатерина Петровна, начальник жэка № 10. Опустившись на строгий стул, она суровеет и расписывается на клочке бумаги, адресованном пенсионерке Астаховой, двумя начальными буквами своей фамилии — «Гр». «Предписание»,— читает пенсионерка, получив клочок, и глазам своим не верит: кто это прислал — наша современница Екатерина Грязнова или сам Иван Грозный?

А у Евдокии Яковлевны как раз гипертонический криз. Предписание, носящее ультимативный характер, становится как бы союзником коварной болезни. Оно как бы бьет по голове упорными молоточками: «в трехдневный срок снять остекление», «в случае невыполнения будут приняты строгие административные меры».

И, конечно, у врачей прибавляется работы. И, конечно, Грязнова-Грозная того не ведает. Ее заботит прежде всего состояние жилого фонда. Человеческий фонд ее не заботит.

СЛУЖЕБНОЕ ЛИЦО № 3 — Мерзляков Николай Иванович, участковый уполномоченный 91-го отделения милиции. Возможно, в личной жизни мягкий и отзывчивый человек. Может быть, даже сентиментальный, любит Есенина и Тютчева, нежен с детьми, способен приютить бездомную собаку.

Перед Астаховой он предстал в десять вечера. Евдокию Яковлевну пошатывало. Уже от двух кризов: гипертонического и балконного.

— Будем снимать остекление или составлять протокол?

— Прошу продлить срок ультиматума до моего выздоровления, — попросила Евдокия Яковлевна.

— Значит, протокол. Ваше дело — болеть и прибегать к другим крайностям, а наше дело — исправно нести службу.

И участковый Мерзляков четко выполнил свой долг. Полчаса выпытывал он у больной пенсионерки крайне важные и срочные сведения, пока не заполнил все пункты протокола.

— Оштрафуют вас, — пообещал он.

СЛУЖЕБНОЕ ЛИЦО № 4 — Васильев Евгений Михайлович, председатель административной комиссии Черемушкинского райисполкома. Больная, но дисциплинированная пенсионерка Астахова с трудом является на заседание комиссии. Согласно повестке.

— Предлагаю наложить штраф, — молодецки говорит товарищ Васильев, стараясь не смотреть в сторону Евдокии Яковлевны. Вид ее способен разжалобить, а жалость и прочие внеслужебные чувства для человека при исполнении — лишний балласт. И кроме того, они не предусмотрены пунктом 18.

— Разрешите слово молвить, — просит пенсионерка.

— В протоколе все сказано, — отмахивается председатель. — Идите, гражданка, идите. Вы оштрафованы на десять рублей.

Всмотримся в пункт 18. Он извлечен на страх пенсионерке Астаховой из решения сессии Моссовета «О соблюдении чистоты и порядка в городе Москве». Действительно, в пункте возбраняется застекление балконов. Но сколько бы мы ни вчитывались в строчки решения, мы не обнаружим ни слова о том, что пункт употребляется только в сочетании с черствым и безучастным отношением к людям. Нет в нем и рекомендации ради неукоснительного соблюдения поднимать с постели больных и немощных стариков.

— Не бывает правил без исключений, — консультирует автора юрист Моссовета Л. А. Дьяченко, которая в числе других готовила это решение.— Если застекленный балкон необходим человеку по состоянию здоровья, не выходит на магистраль и выглядит аккуратно, райисполком имеет право выдать разрешение на пользование таковым.

Удивительное совпадение: застекленный балкон для Евдокии Яковлевны Астаховой — источник бодрости, он выходит во двор и нисколько не портит его. Портит двор внушительная свалка, до которой у жэка около двух лет руки не доходят.

И тем не менее Черемушкинский райисполком в лице

СЛУЖЕБНОГО ЛИЦА № 5 — заместителя председателя В. М. Забавского, от которого Астахова получила сухой отказ, не воспользовался гуманным правом на такое исключение. Чувство сострадания не коснулось и этого работника. Строгий стул продиктовал ему строгий отказ.

Вот мне и пришло в голову: а не оборудовать ли некоторые кабинеты лавочками, знакомыми нам по скверам и бульварам? Чтобы служебные лица, с которыми читатель познакомился выше, могли бы время от времени отрываться от своих строгих стульев и вступать в непринужденный и душевный разговор с людьми?

г. Москва.

И покой снизошел на его душу,

но случилось это не сразу. Сперва А. Г. Гайворонский, житель г. Миллерова, распаковал холодильник «Каспий-3» и с уважением прочел номер: 531279. Затем вызвал механика из Дома быта. Механик обошел вокруг холодильника и стал ремонтировать дверцу, которая не закрывалась. Тем временем А. Г. Гайворонский грел воду, дабы выпрямить в кипятке несколько покореженный поддон испарителя. Когда с частностями было покончено, выяснилось главное: мотор не работает. Тут механик изъял из паспорта талон и ушел, сказав до свидания.

Тов. Гайворонский посетил Дом быта. Там ему пообещали заменить агрегат, как только его доставят из Ростова-на-Дону. Март канул, но агрегат не заменили. Тов. Гайворонский снова сунулся в Дом быта.

— Март-то тю-тю, — сказал он.

— Ничего, — успокоили его.— Март кончился, но будет еще вторник. По вторникам мы привозим из Ростова запчасти.

Три вторника подряд наведывался тов. Гайворонский за агрегатом, а на четвертый поймал за рукав самого директора дома.

— Не волнуйтесь,— сказал тот. — Люди ждут по полгода.

— А! — молвил тов. Гайворонский, и покой снизошел на его душу.

Р. К.

БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки А. СЕМЕНОВА

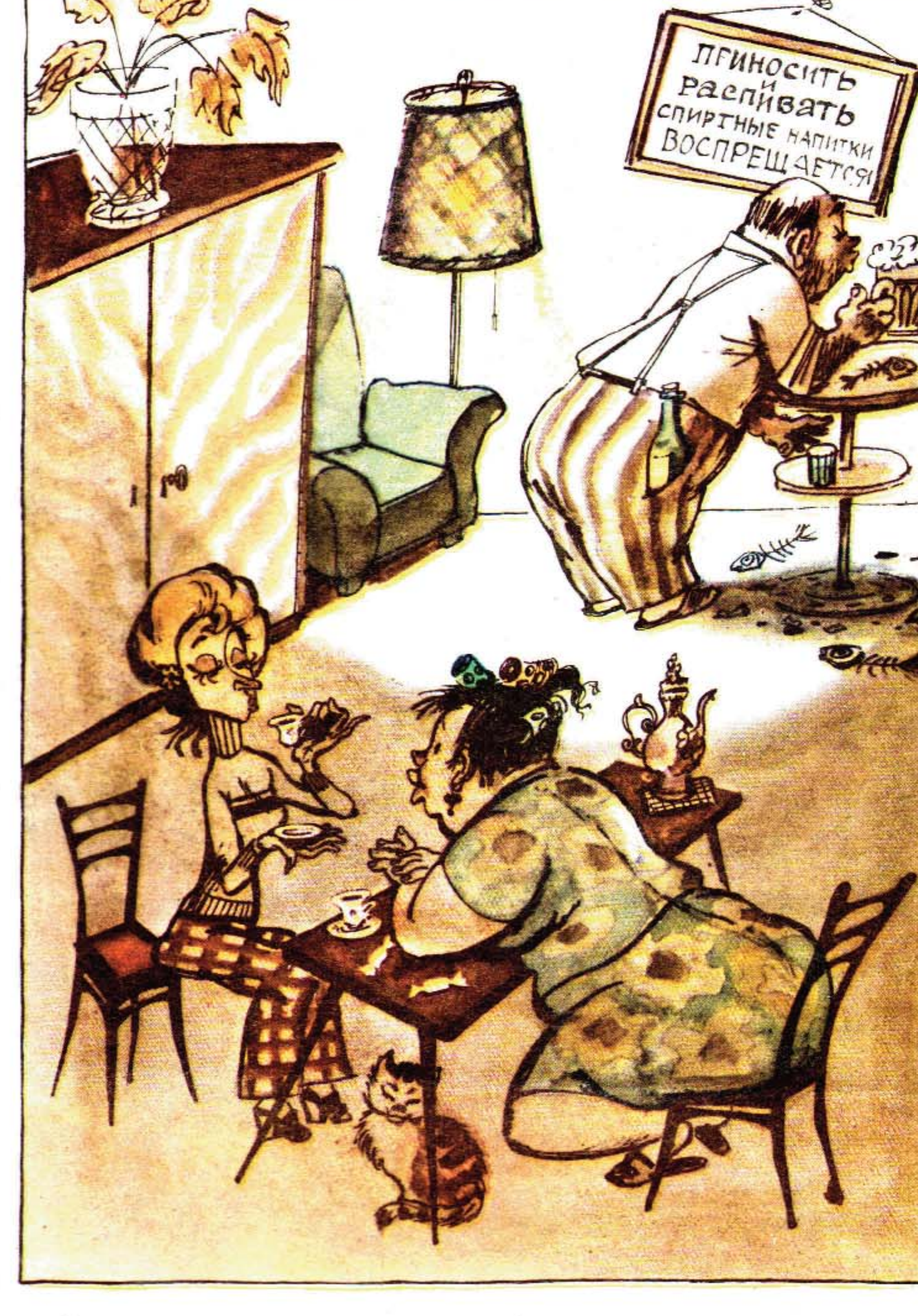
— Вам к Золотой рыбке? А она вас вызывала?

— Вы по аналогичному с товарищем Бабушкой вопросу?

— Ну что ж, на этот раз справки у вас все. Вам осталось только сходить туда — не знаю куда и принести то — не знаю что...

— Теперь моего-то в пивную не тянет!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ КРУГЛЫЙ ГОД

Кап-кап... Бренькает веселая капель. И у человека светлеет на душе. Кап-кап... Кап-кап... Природа пробуждается. Щебечут птички. Хочется сочинять лирические стишки.

Кап-кап... С тоской прислушиваются к капели жильцы квартир 94-й и 95-й дома № 124 на улице М. Горького города Николаевска-на-Амуре. Кап-кап раздается не за окном. Кап-капает перед окном. На мебель, на ковер, на голову. И может бренькать внутриквартирная капель и по два, и по три дня, и больше. И не только весной. Капает вот уже с 1967 года.

Роль сосулек с успехом выполняют водяные баки отопительной системы. Баки стоят над двумя квартирами.

Прикрывая зонтиком бумагу, писали жильцы заместителю директора судостроительного завода тов. Туркову, писали начальнику ЖКО тов. Грицыне. Писали в местную газету. Дождались ответа в газете:

> ***«СИСТЕМА ПОДПИТКИ ОТРЕМОНТИРОВАНА.** Из редакции к нам поступило письмо И. Г. Омельченко. Автор писал о том, что из-за неполадок в системе отопления в его квартире сырость, капает с потолка. Сообщаем, что система подпитки в доме № 124 по улице М. Горького отремонтирована и отрегулирована.*
>
> ***В. Грицына, начальник ЖКО судостроительного завода».***

После прочтения деловитых строк жильцы не успели утереть закапавшие слезы радости, как до их слуха донеслось привычное: кап-кап-кап!

Глядя на хляби потолочные, жильцы оценили ситуацию: «Несомненно, в сочинении мажорных ответов товарищ Грицына достиг потолка. Вот бы ему еще научиться не отрывать слова от дела...»

Но дальше рассуждать было некогда. Надо было срочно спасаться от очередного микропотопа.

А. ЭРОПОРТОВ.

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

Домашняя гроза

Директор фабрики домой
Пришел, как месяц ясный:
За план в «верхах» шел жаркий бой,
И бились не напрасно!..

Но тучей темною жена
Его встречает дома.
Предгрозовая тишина...
И вот нарушена она
Глухим раскатом грома:

— Что за нечестная игра!!
Белье купила я вчера,
Комплект — не сыщешь краше,
А этикетка — ваша.
Сегодня стала примерять,
Сорочку и... так далее.
Хотела в магазин бежать,
Мол, что вы это дали мне!
Гляжу — мои размер и рост,
А вот не лезет!

В чем вопрос!..
Гроза в разгаре, и сейчас,
Пожалуй, хлынет дождь из глаз.

Директор слушал и молчал.
Потом сказал устало:
— Сырье — начало всех начал.
Его беречь приказ я дал
Во что бы то ни стало.
А, в общем, милая моя,
Не прекратить ли прения!
Ведь экономия сырья
Нам обернется премией!

Произвело переворот
Магическое слово.
Гроза утихла, дождь не льет,
Сияет солнце снова.

г. Чебоксары.

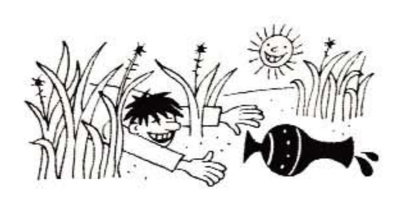
Михаил ХОНИНОВ

Веская причина

Кочевник и верблюд готовились в дорогу.
Тяжелой ношей нагружен, сказал верблюд:
— Ну вот, опять поклажи мне досталось много.
Ты налегке. Тебе вещей громоздких не дают.

— Согласен с критикой, меня коришь за дело:
Ведь ты не раб, и я не господин.
По тяжести вьюков могли б сравнять нас смело,
Но у тебя-то два горба, а у меня один.

Калмык не падает с коня

Ветрами буйными в степную глушь заброшен,
Я по колючкам брел, судьбу кляня.
Увидел: падает калмык с коня,
Как падает подбитый в небе коршун.

А всадник, неудачей потрясен,
Сказал, смущенно глянув на меня:
«Калмык не падает с коня,
Бывает только, что споткнется конь».

И конь, казалось, всадника жалел,
Кружился рядом с видом виноватым:
Ты, дескать, был внимательным вожатым,
А я вот от кумыса захмелел.

...Помчались снова, неразлучные всегда,
И пел им ветер, травами звеня:
«Калмык не падает с коня,
А если конь споткнется — не беда!»

«И-а!.. И-а!..»

Степное иносказание

На празднике Весны была большая скачка —
У каждого конька и стать и масть своя.
Ну, а трибуны захлестнула шумная горячка,
И громче всех кричал осел: «И-а!.. И-а!..»

Ему заданье — победителя восславить.
Осел сказал коню: «Мой друг, любовь моя!
Оратор я плохой, к чему лукавить!
Но для тебя из кожи вылезу. И-а!.. И-а!..»

От песни нудной скакуну противно стало.
Узду сорвав, помчался он в далекие края,
Где трав настой пьянил и озеро блистало,
А вслед герою все неслось: «И-а!.. И-а!..»

И у людей успехи и победы полнозвучны,
Не иссякает творчества и поиска струя.
Но отчего иные восхваленья слушать скучно!
Знакомый в них мотив: «И-а!.. И-а!.. И-а!..»

Авторизованный перевод с калмыцкого
М. СЕМЕНОВА.

А. ХОДАНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

НЕ ДО КЕФИРА...

Давно замечено, что человек, прибывший к морю на неорганизованный отдых, готов примириться со многими неудобствами и неустройствами. И уж если «дикарь» решился написать о своем житьишке в центральную прессу, значит, можно с уверенностью сказать: допекло!

А обратилась к нам в редакцию большая группа курортников вот с какой жалобой. Дескать, знаменитый курорт Паланга за последние два года потерял первозданную прелесть. Если раньше с питанием было в ажуре, то теперь — лишь гранитные очереди у малочисленных кафе и столовых со скудным набором блюд. И совсем непривлекательные полки в продовольственных магазинах: ни тебе молока, ни кефира, ни сосисок, ни овощей. Так что налицо сотни отдыхающих, едущих обедать в Кретингу или Клайпеду — за двадцать пять километров. И много таких, кто прервал по этой причине свой отдых и ретировался домой...

Прибыв на место, я решил прежде всего побеседовать с человеком, который отвечает за все питание в целом. Таким человеком, как я выяснил, оказался начальник управления торговли тов. Ф. Стяпонавичюс. Однако застать его на месте оказалось делом трудным.

— Выехал, — коротко ответили мне в управлении. — Ищите в хозяйственном магазине.

Пошел я в хозяйственный магазин, однако дальше порога пройти не удалось — не пустили. Продавцы снуют туда-сюда. Что-то несут. Что-то уносят. Шум. Гам. Толчея. Покупателей не пускают. Какие-то люди со строгими лицами роются в накладных. Поинтересовался у любопытных, что происходит, и услышал доверительное сообщение: проверка. Кто-то что-то кому-то перепродал.

— А где же товарищ Стяпонавичюс? — спросил я.

— Был, но вышел. Ищите в универмаге!

Зашел в универмаг — опять шум и гам. Опять снуют. Опять же строгие люди с портфелями. Снова не пускают. Снова проверка. Опять кому-то. Что-то. Прислушался я к разговорам и ахнул: что там примитивная торговля пирожками или отпуск свежих комплексных обедов в каких-то летних забегаловках! Тут, в универмаге, заведующая отделом К. Багдонавичене, например, показала чудеса торговой смелости и новаторства. Впервые за всю историю мировой торговли она покрыла недостачу в три тысячи рублей, проведя в отделе спорттоваров невероятную по дерзости операцию: оформила по документам продажу бегунам и велосипедистам наимоднейших чулок-сапожек! Операция, как сообщили мне знающие люди, рождалась на страшном нервном накале, под свист ревизорской картечи и шелест милицейских протоколов. Приходилось метаться, куда-то бежать, кому-то звонить, кого-то упрашивать, вовлекать в хлопоты коллег...

— Но где же все-таки товарищ Стяпонавичюс? — допытывался я у работников универмага.

— Да только что уехал. Кажется, в Швентойи, там у них в магазине беда!

Помчался я в местечко Швентойи — сателлит Паланги, забежал в магазин—действительно, полный траур. Лица у всех бледные, в глазах тоска, по документам растрата. Шестнадцать тысяч!

— Где же товарищ Стяпонавичюс? — закричал я.

— Уехал, — шепотом отвечали подавленные продавцы. — Ищите в магазине, где директором М. Навицкайте. — Там, говорят, большие неприятности!

Прибегаю в магазин — опять неудача: только что, ну буквально минуту назад был здесь товарищ Стяпонавичюс и снова умчался...

— А что за неприятности у вас? — спрашиваю продавцов.

— Да вот в сейфе у директора какие-то бесхозные семнадцать тысяч нашли...

— Как это?

— Да так вот... Прибыл на склад № 7 Палангской торговой базы вагон посуды. Администрация объединения «Космос» распорядилась передать посуду в магазин. Вагон посуды поступил в магазин. Продать-то продали, а куда деньги дели — запамятовали... И вообще, что было потом — полный провал. Открывает директор сейф, а на ноги валятся тугие пачки денег, больно бьют по пальцам... То ли выручка это, то ли что другое — попробуй разберись!.. А тут, как назло, обыск...

Короче говоря, поймал я товарища Стяпонавичюса только через несколько дней, да и то случайно. Зашел наугад в управление торговли, а мне говорят: «Здесь он!». Бросился я к нему в кабинет...

Сидит он молча за своим столом, а кругом — ж-ж-ж! Проверяющие. Ревизоры. УБХСС. С портфелями. Без портфелей. Снуют туда. Снуют сюда. Что-то требуют. Чего-то добиваются. Крики. Звонки. Шум. Гам...

Вот, думаю, разрывают человека на части, а ему еще летним сезоном заниматься надо. Выбивать из других городов поваров, посудомоек, официанток, размещать их в сносных общежитиях. Составлять разнообразное, обильное, а главное, реальное меню для полумиллиона «дикарей», которые оккупируют Палангу на три долгих месяца. Обеспечить чистоту на кухнях и в залах, чтоб санэпидстанция, наконец, оставила свои многочисленные претензии при себе. Снабжать город свежими продуктами. И так далее.

— Трудно вам приходится,— сочувственно сказал я.

— И не говорите,— уныло отвечал Ф. Стяпонавичюс.— Даже хобби свое забросил.

— А что за хобби, если не секрет?

— У меня секретов от народа нет. Собираю на досуге из запасных частей новенькие машины.

— Трудно?

— Не то слово! Ночей, можно сказать, не сплю. Вот недавно в Горький послал шофера. За запчастями. Потом попросил его вместе с механиком базы новенькую «Волгу» собрать. От старой номерной знак отвинтили — и на новую.

— Куда же старую, без номера?

— Развинтили на детали, и в комиссионку. Правда, какие-то шутники собрали ее снова и зачем-то поставили в гараж родственника моего заместителя, но это мелочь!

«Действительно, — подумал я, — это мелочь. По сравнению с тем, что надо разбираться с подчиненными. А разбираться надо долго, въедливо и кропотливо: одних уволить, другим — строгий выговор, третьим — на вид, четвертых — под суд. Какие уж тут заботы о мясе, молоке и свежих овощах! Тут, можно сказать, человеческие судьбы решаются! Тут голова закружится!..»

Честно сказать, голова закружилась и у меня. Присев на ступеньки Музея янтаря, я вынул письмо «дикарей» и перечитал его.

Теперь я точно знал, что если б «дикари» были осведомленнее, они наверняка смирились бы с очередями и нехваткой продуктов, ибо поняли бы, что титаны палангской торговли заняты делами поважнее. И совсем им не до того, чтобы забивать свои головы этой курортной прозой.

Не до того.

Я свернул заявление «дикарей» вчетверо, сунул его в карман, посмотрел на безлюдную, всю в косых струйках холодного дождя центральную улицу Витауто, на которой в каждый погожий субботний день одновременно возникает тридцать тысяч вновь прибывших «дикарей», и подумал о том, что в Вильнюсе есть Министерство торговли республики. «Наверняка,— подумал я,— работники министерства приезжают летом в Палангу понежиться на песчаной перине и совершить несколько отчаянных заплывов до буя и обратно».

А в иные месяцы почему их здесь не видно?

Долго думал я, поеживаясь от сырых балтийских сквозняков, и вдруг меня осенило: ведь в иные месяцы здесь сплошные дожди и ветры! А раз дожди и ветры — что же делать тогда у синего моря на бархатном пляже?

г. Паланга, Литовской ССР.

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Восторгаются сообща, завидуют наедине.
В. ХОЧИНСКИЙ.

Повар представлял себе весну в виде салата.

В цирке ходил по проволоке, дома — по струнке.
С. МАРКОВ.

Того, кто плохо говорит, надо понимать без слов.

И падая духом, можно сильно ушибиться.
М. ГЕНИН.

Серость ослепляет только темноту.

Величие статуй — в молчании.
В. ЛУКЬЯНОВ.

А. ПОРТЕР,
специальный корреспондент Крокодила

ЭФФЕКТ СТЕПИ

Степь — это когда, куда ни глянь, кругом степь. Степь—это, конечно, очень красиво. Загляните в художественную литературу, там написано.

Степь—это просто восхитительно. Если долго всматриваться в ее уходящую даль, то можно решить, что за этой степью тоже степь. И ничего, кроме степи.

Даже начальства.

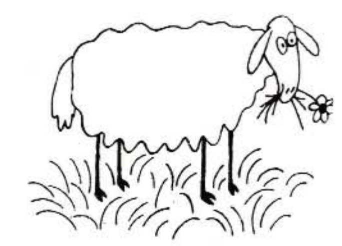
Впрочем, это как бы поэзия. А у нас тут намечается фельетон. Фельетон о степном человеке, председателе колхоза «Идея Ленина» товарище Гатине Владимире Константиновиче и еще кое о ком и кое о чем. А также о мясе.

Мясо это ходило в степи в виде колхозных коров и баранов. Мясо щипало траву, нагуливая живой вес. А товарищ Гатин в это время смотрел в степь. И не видел там ничего, кроме степи. И коварная мысль подкралась к нему.

«Если кругом степь, а я председатель...»— мыслил он, и взор его медленно полз на жующее траву мясо.

А вскоре уже с баранов драли шкуру и грузили туши в машину. Гатин В. К. вез их в город Пензу. Там, в Пензе, живут люди, многие из которых любят мясо. И среди этих многих были и такие, которые лично знакомы Гатину В. К. и к которым он лично привязан. Им он и вез. Но так как развозить мясо тушами прямо по домам еще не принято, то Владимир Константинович сгрузил свое хозяйство на вокзале, рассовал туши в ящики автоматической камеры хранения, записал на бумажку шифры, а потом по телефону обзвонил своих, ему лично знакомых пензенских любителей мяса и эти шифры им сообщил. Гениально просто.

А потом он вернулся обратно к себе в степь. И опять поглядел в ее уходящую даль. Даль была ровной. И ничто не предвещало угрожающих оргвыводов.

И тогда Владимир Константинович повез баранов в город Белинский, где проживают его родственники, такие же любители мяса, как и все мы.

А потом он повез мясо в поселок Бэково.

А потом в город Саратов...

В общем, это длинно. И скучно. Повез, привез... Тут веселей про поголовье. Если ты чего отвез, то ведь тем самым сократил поголовье. А поголовье сокращать нельзя. Оно должно не сокращаться, а расти. А как оно будет расти, когда ты все время чего-то отвозишь?

Поэтому из одного барана или овцематки делали двух, а то и трех. Это, оказывается, проще пареной репы. Это просто надо взять одного какого-нибудь барана, лучше потолще, и зарезать его, к примеру, для каких-то колхозных нужд. Это ж, пожалуйста, это же можно. А потом в отчетности разделить вес этого барана, положим, на три части. И получится, что зарезали вовсе не одного барана, а сразу трех. И поголовье восстановлено. И вроде ничего никуда и не отвозилось.

Правда, при этом три барана, полученные из одного, оказываются на удивление тощими, ну прямо с гуся. Но это уже пустяки, потому что на это для каждой комиссии (если такая и будет) есть ответ: плохо, мол, кушали животные, сами и виноваты, что такие худенькие.

Но какая может быть комиссия, когда кругом степь? А кто в степи? А в степи председатель товарищ Гатин В. К. Так рассуждал Владимир Константинович. Но он немножко ошибся.

Потому что в этой же самой степи проживают и другие люди. Они не председатели, они простые колхозники. Они видят все происходящее и тоже глядят в степь. Они ждут, что вот сейчас на горизонте появится какое-нибудь начальство, которое солидно войдет в правление и, крутанув бровями, скажет:

— Знаете ли что, товарищ Гатин!..

Но чист горизонт. И колхозник берет у сына-школьника шариковую ручку, садится за стол и пишет: «Уважаемый Пензенский обком! Доколе же можно глядеть, как наше кровное колхозное добро идет, куда неизвестно?!»

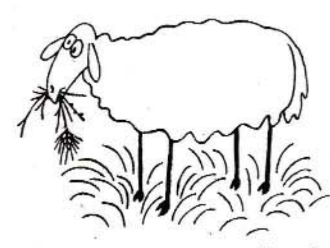
Сигнал! И вот летит по телефонным проводам из Пензы в Тамалинский райком партии короткое:

— Разобраться!

— Разобраться так разобраться, — отвечают там. — Сейчас создадим какую надо комиссию и во всем разберемся.

Комиссия создается. Она резво выезжает в степь и начинает там разбираться. Надо отдать ей должное, она работает не покладая рук. Она опрашивает десятки людей, она смело ныряет в бухгалтерские отчеты, она ищет и находит. К примеру, факты разбазаривания мяса, к примеру, полную неразбериху в учете этого мяса, к примеру, явное занижение веса забитых животных.

Короче, все эти примеры мы уже описали. И с этими примерами комиссия покидает степь. И колхозники радостно машут ей вслед рукой. Вот, мол, хоть и степь кругом, а за ней-то все-

таки есть начальство. И сейчас, после этой комиссии, вновь сломается ровная степная линия горизонта какой-нибудь черной «Волгой», и товарищу Гатину В. К. при всем честном народе будут давать по заслугам.

Но однако же опять чист горизонт. А там, за горизонтом, в райцентре Тамале происходят странные вещи. Комиссия привозит великолепный материал для принятия мер, но в райкоме этот материал, не дрогнув, сдают в архив, а в Пензенский обком партии на чистом листе бумаги отстукивают, что никаких злоупотреблений не обнаружено.

Так что рано радовались колхозники, провожая комиссию. Степь оказалась шире, чем они думали...

И вот мы сидим и беседуем с первым секретарем Тамалинского райкома партии товарищем Стрельниковым Н. И. Мы беседуем об урожайности, об удоях, о товарище Гатине и, естественно, о злоупотреблениях, которых почему-то не обнаружено. И по Стрельникову Н. И. выходит, что странное это необнаружение есть в каком-то смысле поднятие урожайности и удоев. Потому что-де Гатин В. К.— хороший и крепкий руководитель. А то, что он чего-то там такое отвез или, скажем, сам съел, так не ахти какой это и грех. Главное, руководит он хорошо.

Ну что вам еще сказать про Гатина В. К. как руководителя? Можно еще много сказать, но ваших блокнотов не хватит, как не хватило моего.

Это, в общем, такой настоящий степной руководитель, каких мало. И, может быть, именно в силу этой своей исключительности он и пришелся так по душе товарищу Стрельникову.

Ну, а может, тут просто некое родство душ? Ведь если разобраться, товарищ Стрельников тоже проживает в степи. И только выйди на окраину небольшого городка Тамала — вот она, степь-то! Гляди в нее подольше, и может показаться, что за этой степью только и есть, что степь. И ничего больше.

Даже начальства.

Так сказать, эффект степи. Коварный эффект, между прочим.

Тамалинский район,
Пензенской области.

Самиг АБДУКАХХАР

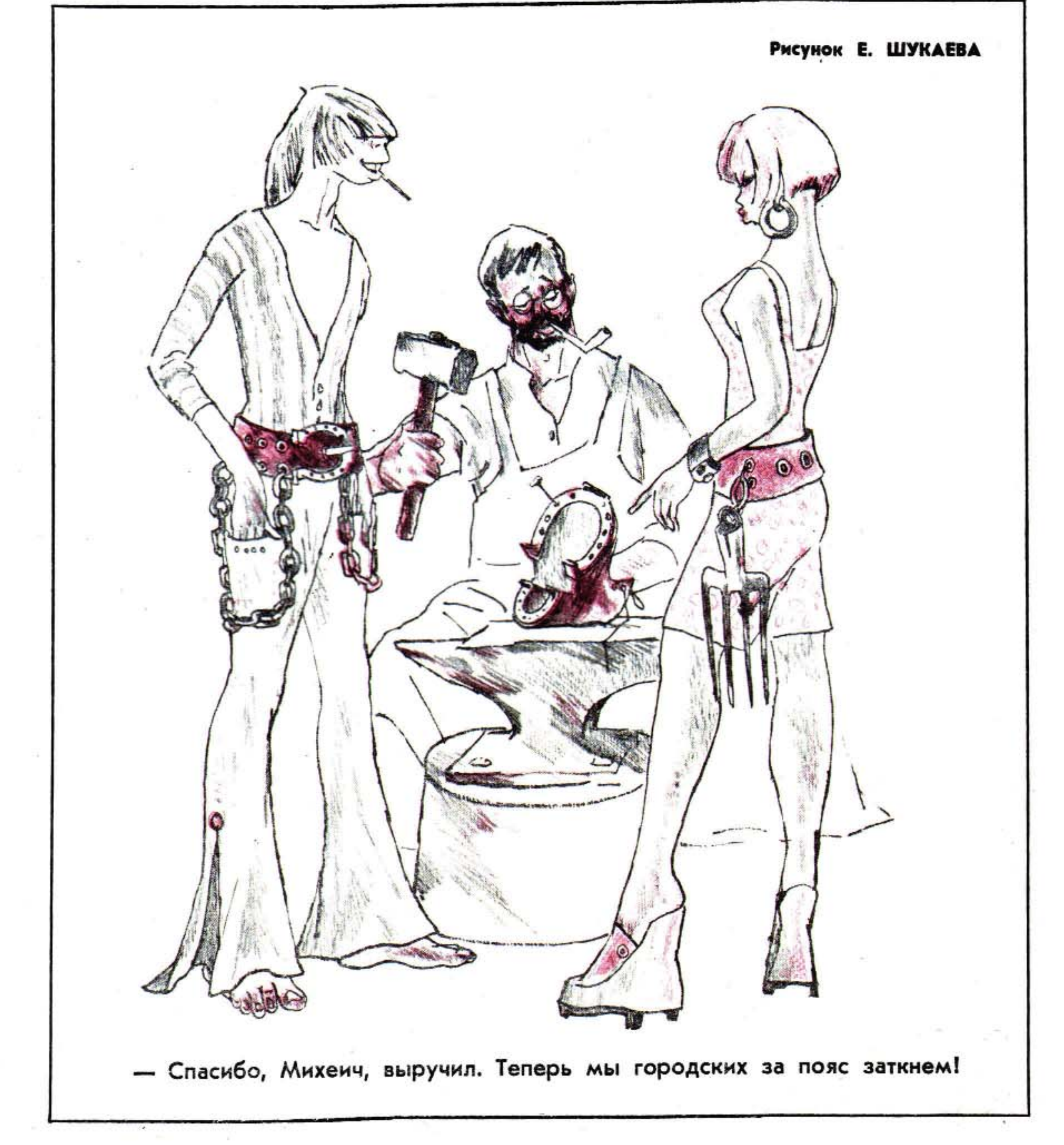
СОВЕТ ВОЛЧИХИ

Под утро Волк
в свое семейство волчье
Барашка приволок,
сияя весь...
Семейство же
увидело воочью,
Что мясом вроде
и не пахнет здесь...
Волчица взвыла:
— Что за агнец божий!
Немедленно
неси его назад!
И эти ребра
под облезлой кожей
Барашком
ты осмелился назвать!!
— Волчица, дорогая,
ты поверь мне:
Не только наш Барашек тощ,
как тень.
Такие поголовно все
на ферме,
Ведь их, несчастных,
кормят через день...
— Глупец!
Ты внемли доброму совету.—
Волчица
снова голос подала.—
Ты больше не ходи
на ферму эту,
Где столь
неблаговидные дела...
К завфермой лучше
загляни в загон:
Свой личный скот,
надеюсь, кормит он!..

Перевел с узбекского Дм. ПОЛИНИН.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Спасибо, Михеич, выручил. Теперь мы городских за пояс заткнем!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

КОНТРОЛЬ ЗА НАДЗОРОМ

В № 5 «Крокодила» был опубликован фельетон А. Моралевича «Анфасом к природе», в котором шла речь о незаконных задержаниях, обысках на дорогах граждан и транспорта егерями и руководящим составом Управления охотничье-промыслового хозяйства при Совете Министров Бурятской АССР. Причем, подозревая других в браконьерстве, некоторые егери и работники управления сами являлись злостными браконьерами.

Зная о неблаговидных делах егерей госзаказника «Ангирский» И. Устинова и П. Самойлова, начальник управления Н. Антоненко не принял к ним надлежащих мер. Н. Антоненко счел даже возможным охотоведа Ильенкова, только что отбывшего заключение за особо опасное браконьерство, вновь назначить охотоведом района.

Как сообщают редакции Главохота РСФСР и Совет Министров Бурятской АССР, факты, описанные в фельетоне, подтвердились.

Заместитель начальника республиканского управления охотничье-промыслового хозяйства М. Гылыков освобожден от занимаемой должности.

Освобожден от работы охотовед Баунтовского района В. Ильенков.

Районному охотоведу В. Гребневу объявлен строгий выговор.

Начальнику управления Н. Антоненко объявлен выговор и строго указано на ослабление работы с кадрами.

Главохотой РСФСР предложено всем руководителям управлений охотничье-промыслового хозяйства и госохотинспекций РСФСР улучшить подбор, воспитательную работу, правовую подготовку работников госохотнадзора, а также усилить контроль за их деятельностью.

«ХОЛОДНЫЙ ДОМ»

Так назывался фельетон Э. Полянского, опубликованный в № 6 «Крокодила». Он был посвящен перебоям в отоплении жилых домов и ряда школьных помещений.

Амурский областной отдел народного образования прислал ответ за подписью заместителя заведующего тов. А. Давыдова о том, что облисполком обязал Шимановский райисполком и областное управление коммунального хозяйства до начала отопительного сезона 1974 года произвести капитальный ремонт и увеличить мощность котельной в школе-интернате № 6 и средней школе № 3 города Шимановска.

Заведующий Приморским крайоно тов. В. Шевченко сообщил редакции, что в селе Сергеевка, Партизанского района, заканчивается строительство новой школы и с начала учебного года будут созданы нормальные условия для занятий.

Новосибирский отдел народного образования сообщил редакции, что плохое отопление школьного здания и школы-интерната совхоза «Колыбельский», Краснозерского района, имело место. В летний период запланировано провести капитальный ремонт котельной.

«НЕУНЫВАЮЩИЕ...»

Одноименная заметка, опубликованная в № 8 «Крокодила», рассказывала про мытарства жителей деревни Большое Ивановское, Мытищинского района, Московской области, которые в свое время оказались отрезанными от внешнего мира каналом имени Москвы (канал-то прорыли, а мост через него не построили!). В ответ на жалобы Мытищинский райисполком не раз обещал проложить дорогу до ближайшей переправы и пустить автобус. Обещания, однако, оставались обещаниями в течение пяти лет.

Как сообщил редакции заместитель председателя исполкома Мособлсовета тов. В. Прохоров, выступление «Крокодила» рассмотрено в облисполкоме. С 1 мая нынешнего года для жителей деревни открыта катерная переправа. После того, как в августе этого года будет сдана дорога Пчелки—Протасово, вопрос об открытии автобусного движения до ближайшей переправы решится окончательно.

С. ШАТРОВ

Рассказ

АХ, ЭТА СВАДЬБА, СВАДЬБА...

Во Дворец бракосочетания Татьяну Бобневу сопровождали три машины. Жених Санька Веремеев позаботился, чтобы все было в лучшем виде. Все так и было. «Волги», окантованные лентами и воздушными шарами. Куклы с растопыренными руками, прижатые к радиаторам. Шаферы в лакированных туфлях и галстуках широких, как лопата. Татьяна в лиловом парике за сто рэ и белом атласном платье сидела, широко расставив ноги, такие толстые, словно под чулками были надеты футбольные щитки. Веремеев, рыхлый, уже начинающий лысеть парень, в чуть обуженной тройке, небрежно развалившись на сиденье, покручивал длинный висячий ус, выращенный по настоянию невесты.

Рядом с шофером ерзала подружка Л риса. Она тараторила без умолку, позванивая бижутерией. Но все ее фразы не доходили до Бобневой. Они расшибались у черепной коробки невесты, будто прибой у волнолома. Татьяна думала о другом. О том, что Санька покладистый парень, не пьет, по бабам не шастает и специальность у него чистая, культурная: гравер.

И Санька думал, что не ошибся. Нет. Танька такая боевая девица, что на пути к семейному счастью сшибет все преграды. Это уж точно. Все достанет для дома, для семьи. За три дня оборудовала свадебный стол на 70 едоков. И какой стол! Достала икру, заливные языки, угрей! Вчера приволокла семь гусей, сама выпотрошила и жарила до полночи. Другую после такой работенки сволокла бы «неотложка», Танька же сидит свежая, как парниковая роза.

С другой стороны, друзья-приятели предупреждали Саньку, что у Бобневой прямо-таки бешеный характер. Приводили примеры. Когда Татьяна продавала баночную сельдь, один зануда покупатель заявил, будто она подсунула ему селедку без молоки и еще обвесила на двадцать граммов. В ответ Бобнева с такой силой шваркнула селедку о прилавок, что та, отскочив, полоснула покупателя по бакенбардам. Разгорелась небольшая дискуссия. Покупатели начали доказывать, что если вместо свободного обмена мнениями их начнут полосовать, пусть даже самыми высококачественными тихоокеанскими сельдями, то наш сервис получит какое-то однобокое, нездоровое развитие. Вызвали милицию. И представьте, обнаружили излишек в 15 граммов. Татьяна была исключительно честная девушка.

Для кого бешеный характер, думал Веремеев, а для меня самый подходящий. Он не забыл ее слов перед свадьбой:

— Саня, дома у нас будет порядок. Не то что у Маргариты из восьмой квартиры. Целыми днями лежит паразитка в нейлоновом халате на арабском диване и читает журнал «Силуэт». А муж после работы гоняет на базар за картошкой или, того хуже, со щеткой на босу ногу елозит по паркету...

Машина катила, Бобнева даже с некоторой нежностью думала о женихе.

«С усами он ничего. Приятный. Жалко, шевелюра сходит на нет Запишу его в институт косметики, пусть ему укрепят корни».

В разгар этих деловых раздумий до нее все же дошел голос Ларисы:

— Убиться можно! Как я забыла?! Стюардесса Ленка устраивает у себя на квартире распродажу шмуток, подоспела ее очередь «Жигули» выкупать.

— У Ленки должны быть неплохие тряпочки,— сказала Бобнева.

— Спрашиваешь! — подпрыгнула на сиденье Лариса.— Одни сапоги чего стоят. Верх — черный лак, платформа — гвинейская пробка, спереди цепи, на заднике — золотые шпоры. Саня,— Лариса молитвенно сложила на груди руки,— завернем к Ленке в Хрюкино-Дятлево. Таня давно мечтала заиметь такие сапоги!

— Завернуть недолго,— раздумчиво сказал Веремеев, покручивая ус.— Как бы нас потом во Дворце не завернули, если пропустим очередь.

— О чем разговор!—еще больше разволновалась Лариса.— Мы же десятые, пошлем вперед ребят, они передвинут очередь.

— Твое решение, Танёк? — спросил жених.

— Как хочешь,— сказала невеста.

Веремеев пожевал ус.

— Шеф,— сказал он таксисту,— а не свернешь ли на Хрюкино-Дятлево?

— Мне что,— сказал шеф,— я могу и на Землю Франца-Иосифа свернуть.

— Все понятно,— сказал Веремеев.— Сворачиваем. Останавливай коляску.

Кортеж остановился. Санька объяснил дружкам ситуацию. Они покатили во Дворец переставлять очередь.

Хрюкино-Дятлево оказалось у черта на куличках. До него добирались по шоссе № 6 добрых полчаса, потом такси свернуло с бетонки на дорогу, выбитую «мазами», прошитую коммуникационными траншеями. Таксист яростно вертел баранку, объезжая битый кирпич, обрезки труб, выкорчеванные деревья и рухлядь, брошенную владельцами снесенных домишек.

— Хрюкино-стрит! Знал бы, не поехал! — сказал шофер.

— Не тоскуй, шеф,— сказал Санька.— Подбросим за вредность!

Они долго петляли меж стоящих вразброд огромных жилых корпусов и кирпичных коробок с пустыми глазницами окон, пока не нашли дом, где жила стюардесса. Невеста оставила на сиденье фату и вместе с Ларисой скрылась в подъезде.

— Сапоги нам понадобились!— сказал таксист.— По дороге в загс. Надо же такое удумать!

— Пусть побалуется,— сказал Санька.— Деньжат у меня хватает.

— Не о деньгах речь. В семейном деле важно, кто первый захватит власть. Оглянуться не успеешь, как в доме заведется хунта, голову не подымешь!

— У меня свой характер,— усмехнулся Санька.— Против моего характера ни одна хунта не устоит.

— Тебе видней,— неопределенно отозвался шофер.— И давно с ней любовь крутишь?

— Пожалуй, месяца три,— припомнил Веремеев.

Рисунки И. СЕМЕНОВА

К машине подбежала возбужденная Лариса.

— Как там сводка погоды? — спросил жених.

— Как по заказу. На ноге в самый раз! — затараторила Лариса.— Блеск! Удушиться можно! Я за деньгами. Давай сто двадцать рэ.

— Дешевка. Просто задаром,— сказал таксист,— если дома от нечего делать печатаешь купюры.

— Не обедняю,— сказал Санька, роясь в бумажнике.

— Золотой ты парень,— сказала Лариса.—Не мелочишься, дай я тебя поцелую...

— Постой,— сказал Санька.— Трех пятерок не хватает!

— У меня есть пятерка,— сказала Лариса.

— Может, стюардесса поверит в долг. Десятка — не деньги!

— Что ты, что ты! — замахала руками Лариса.— Станет она ждать! У нее сегодня же такие сапожки с руками оторвут.

— Ладно, не паникуй,— сказал Веремеев.— Шеф, подкинь десятку, во Дворце отдадим.

Таксист достал жестяную коробку из-под карамели и начал пересчитывать мелочь.

— Твое счастье, жених,— сказал он.— Думал, не наберу, недавно на линию выехал.

Лариса зажала в кулаке деньги и помчалась к стюардессе.

— Бабы от барахла дуреют,— сказал таксист.— Взять, к примеру, тещу моего сменщика. Шестьдесят стукнуло, а тоже норовит влезть в костюм с люриксом.

— Так уж у них заведено,— философски отозвался Санька.

Вскоре появились невеста и Лариса, прижимавшая к груди белую коробку. В машине Татьяна надела фату и сказала жениху:

— Между прочим, итальянские.

Такси устремилось к бетонке.

— По такой дороге надо бы брать по тройному тарифу,— сказал шофер.

— Не сомневайся, не обидим,— сказал Веремеев.

— Я не об этом. Того и гляди, угробишь машину. Жалко, новую получил.

— За мной не пропадет, не зажмем,— продолжал Санька,— работяга всегда поймет работягу, не то что иные жмоты в дубленках, удавятся за копейку. Я зарабатываю...

Из переулка выскочил тягач с двумя прицепами, груженными битым кирпичом. Таксист едва успел крутануть баранку. Машину снесло в кювет. Волна глинистой грязи, вырвавшаяся из-под гигантских колес тягача, обдала такси.

Невеста сняла фату и посмотрела на Веремеева. Он не успел стереть с лица испуг.

— Сидим крепко,— сказал таксист, пытаясь завести мотор.— Теперь без «техпомощи» не обойтись. Рулевые тяги погнуло. Доездились... за сапогами!

— Сапоги, сапоги,— закипела Татьяна.— Дались тебе сапоги. Смотреть надо было!

— Боже ж мой, вы на куклу поглядите! — закричала Лариса.

Кукла на радиаторе была заляпана жирной шоколадной глиной, и голова ее висела на проволочке.

— Кукла казенная,— почему-то улыбнулся таксист.— У нее, извините, на штанишках под платьем инвентаризационный номер.

— Опять за свое! — еще больше распалилась Танька.— Заплатим тебе за дорогу, за куклу, за шары, за мойку машины — только поезжай.

— Оратор,— сказал таксист.— Сейчас тебе трибуну доставлю.— Он открыл дверцу и шагнул в грязь.

Он долго голосовал на обочине дороги, пока не остановил молоковоз. Такси не без труда выдернули на дорогу.

— Шеф, дай еще трояк,— попросил оправившийся от испуга Веремеев.— Заплачу товарищу с молоковоза.

— Ни, ни! Все сделано на общественных началах,— сказал водитель молоковоза.— Счастливо расписаться. Желаю вам, девушка, стать матерью-героиней.— Он подмигнул Веремееву и пошел к своей машине.

— Саня, чего ты сидишь? — очнулась Татьяна.— Сбегай на шоссе, достань другое такси.

Веремеев глянул на дорогу, на свои лакированные туфли и начал нехотя разуваться.

— Эвакуация временно откладывается,— сказал таксист.— Насколько мне известно, у невесты не зашиты в фате сбережения.

— Ядовитый ты человек,— сказала Татьяна.— Слова не скажешь без подковырки.

— Сделаем так — сказал Веремеев,— поедешь с нами во Дворец, там и расплатимся.

— Дорогуша, не могу я бросить машину. Есть другое предложение. Я вызову «техпомощь». Она возьмет нас на буксир.

— На буксире в загс! — Бобнева захлебнулась от гнева.

— Так не тебя же на буксире в загс поволокут. Машину! — сказал таксист.

— Это я-то не понимаю, я ненормальная, я идиотка! Очуметь можно от этих мужиков. Лариска, подружка, иди ты!

Лариса вылезла из машины и мужественно зашлепала в белых туфлях по грязи.

— Придется Ларисе покупать новые туфли,— деловито заметил Веремеев.— Ну да ничего, при моих заработках...

— Пусть шагает,— сказал таксист.— Человек для здоровья должен делать десять тысяч шагов в день. Японцы на этом только и держатся.

В машине стало совсем тихо. Доносилось лишь тиканье часов и тяжелое дыхание Татьяны. Все в ней клокотало, как во внезапно ожившем вулкане. «Мужики скроены по одной мерке,— думала она,— и этот мой Саня тоже. Сидит, шевелит усами, будто таракан. На буксире в загс! Придумать же! Всю жизнь надо мной смеяться будут!»

Веремеев сидел сгорбившись, позабыв даже зашнуровать лакированные туфли. «Если Татьянку завести, то выдаст на всю катушку»,— думал он. Без Татьяны он поладил бы с таксистом. Он всегда ладил с клиентами. Веремеев вспомнил, как месяц назад он перепутал надписи. На серебряной чарке, подарке юбиляру, он выгравировал: «А. Ч. Шепшагалов. 1924—1974». На урне из крематория: «Пей, да дело разумей. Треугольник». И ничего. Обошлось.

Мысли Веремеева прервал рокот мотора. Сияющая Лариса догнала такси. После непродолжительного совещания двух таксистов вновь прибывший сказал:

— Извиняюсь. Совсем позабыл. Карбюратор барахлит. Мне срочно в парк.

Он развернулся и, выпустив из-под колес струю грязи, которая окончательно доконала куклу, газанул на бетонку.

Вулкан, клокотавший в недрах Танькиной души, сделал мощный словесный выброс. В это время подъехала патрульная милицейская машина.

— Что у вас происходит? — спросил офицер, опуская стекло кабины.

— Мюзик-холл,— сказал таксист.

— Где вы раньше были! — закричала Татьяна, тоже опуская стекло и высовывая голову.

— Товарищ невеста,— сказал офицер,— не волнуйтесь. Помните, вам еще предстоит обряд!

— Обряд! — закричала Татьяна.— Вы гляньте на этого человека. Наша очередь десятая, а он не подпускает к нам чужих таксистов...

— Ну и напористая девушка,— покачал головой таксист.

— Левак! Ты человека за десятку под колеса положишь! — неистовствовала Татьяна.

За патрульной машиной выстроилась вереница грузовиков.

— Не будем создавать пробку,— сказал офицер.

— Поедем в милицию! — объявила бешеная Танька.

Между патрульной машиной и такси грязь была по щиколотку. Веремеев, сняв туфли, мужественно взял на руки массивную Татьяну. Ноги его подкосились, и он чуть было не рухнул, но таксист вовремя подстраховал его, подхватил невесту и легко перенес ее в машину. Лариса осталась в такси.

В отделении милиции их принял молодой лейтенант, заочник юридического факультета. Татьяна, сбитая с толку галантностью таксиста, сбивчиво изложила сущность конфликта.

— Насколько я понял,— сказал лейтенант,— вы направлялись во Дворец бракосочетания.

— А что, это запрещено законом? — обретая былую агрессивность, спросила невеста.

— Разумеется, нет,— вежливо ответил лейтенант.— Мне просто непонятно, как вы очутились в нашем районе?

— Мы покупали сапоги,— сообщил таксист.— С золотыми шпорами.

— Да, ехала во Дворец и по дороге купила сапоги у одной знакомой,— сказала Татьяна, наваливаясь мощной грудью на перегородку.— Что, это запрещено законом?

— Законом, законом, не так рассказываешь,— не выдержал Веремеев.— Товарищ начальник, мы задолжали шоферу деньги. Приедем во Дворец и всё выложим до копейки.

— Не могу я ехать. «Техпомощь» жду...

— Товарищи,— сказал лейтенант,— прошу не нервничать... Не расстраивайте себя в такой знаменательный день. Ситуация ясна. В вашем конфликте есть две правды. В какой-то степени прав водитель машины, правы и вы. Такова жизнь...

Татьяна несколько ошалело глядела на интеллигентного лейтенанта.

— Жизнь не всегда дает нам однозначные ответы,— продолжал лейтенант, думая, как он душевно и веско излагает свои мысли.

— Выходит, по-вашему, он прав? — возмущенно перебила Татьяна.— Он срывает нам обряд!

Лейтенант не успел ответить. Зазвонил телефон.

— Дежурный отделения милиции лейтенант Козырев,— сказал он в трубку.— Да. Случайно знаю. Они передо мной. Ничего не случилось.— Он кивнул Веремееву.— Из Дворца звонят. Некто Леша.

— Леша, это я, Саня! — прокричал в трубку Веремеев.— Приезжай по-быстрому в милицию, прихвати деньжат, нет, все нормально, так, глупость одна...

Спустя полчаса шафер Леша привез деньги.

— Получай, шеф,— сказал Веремеев.— Двадцатку. Сдача не требуется.

— Обойдемся без чаевых. Что же касается куклы и шаров, спишем за счет парка.— Таксист отсчитал сдачу.

— Что ты за человек? — сказала Татьяна, впрочем, без особой злости.— Мне до смерти жалко твою жену.

— Солнышко,— улыбнулся таксист,— я холостой. Желаю тебе счастья.

Танька отвела глаза от водителя. На мгновение ей показалось, что он намного интереснее Саньки, хотя у него и не было висячих усов. Что-то очень знакомое и обаятельное было в этом лице.

Всю дорогу Лариска детально излагала шаферу Леше историю их вояжа к стюардессе и лишь на полпути вспомнила, что оставила сапоги в такси. Пришлось вернуться. Таксист загорал на том же месте.

— Солнышко,—сказал он Татьяне,— извини. Я сдал их в милицию.

И только сейчас Танька поняла, что сухощавое, гладко выбритое, мужественное лицо таксиста чем-то напоминает того самого артиста, из-за которого она столько вечеров просидела у телевизора, невыносимо страдая и любя.

В милиции они получили сапоги и поехали во Дворец. Татьяна все еще продолжала думать об этом тревожном и удивительном сходстве.

Как назло, машина останавливалась у каждого светофора, и Лариса сказала, что, когда спешишь, обязательно горит красный свет, нарываешься на дорожную пробку или разъезд со стадиона сумасшедших болельщиков. Вот будет номер, если они опоздают. Гости перемрут от нетерпения и голода.

Они опоздали.

— Не стану тебя шпынять, Таня,— сказал жених.— Таксист был прав. С сапогами ты здорово учудила.

Бобнева безучастно посмотрела на Веремеева.

— Теперь неизвестно еще, как выйти из положения,— продолжал он.— Придется крепко подумать!

— Думай, думай,— сказала Татьяна.— Тебе полезно.

У калитки Бобневского дома их встретила толпа истомившихся гостей. Отец Веремеева сказал не без торжественности:

— Молодые Александр и Татьяна, от имени старшего поколения, а также всех гостей и от себя лично поздравляю с бракосочетанием и желаю вам богатой жизни...

— Поздравлять пока не с чем,— сказала Татьяна — мы еще не муж и жена.

Тут, понятно, поднялся галдеж,

молодежь начала шутить, дескать, знаем мы эти розыгрыши, по дешевке нас не купишь, не на тех напали. В молодых начали кидать конфетти, букеты, наиболее шустрые принесли бутылки, требуя, чтобы Татьяна и Санька выпили не сходя с места.

Татьяна не взяла бокал и пошла в свою комнату.

— Сын Александр,— сказал Веремеев.— Мне такое поведение определенно начинает не нравиться. Прошу пояснить мне и гостям...

— Батя...

— Не перебивай... а также представителям поссовета, которые присутствуют по приглашению матери Татьяны, что это означает?

— Батя! Татьяна сказала полную правду. Мы не расписались. Опоздали...

— Как вы могли опоздать, ежели выехали четыре часа назад и были на очереди десятые?..

— Так уж получилось.

— Ясно, понятно,— сказал Веремеев-отец, обращаясь к гостям.— Кто-то перебежал дорогу, дал «на лапу» и перекупил очередь. Такие факты, к сожалению, у нас еще наблюдаются...

Жених молчал. Мать Татьяны плакала.

— Слезами тут не поможешь,— сказал Веремеев.— Вопрос надо ставить на попа. Откладывать свадьбу на будущую субботу или же отпраздновать авансом. Если вы окинете взглядом столы, то можете увидеть, что освоены немалые средства. Отложишь свадьбу — неизбежны потери. Правда, мой сын Александр может позволить себе такой перерасход, поскольку он...

— Авансом, авансом! — не дали договорить гости.

— Можно и авансом,— сказал Веремеев.— Я, как отец, думаю, что за неделю ничего не произойдет. Александр — человек самостоятельный, словами и деньгами на ветер не бросается.

Когда Татьяна выглянула из комнаты, она увидела Саньку, который делился с гостями своими мыслями.

— Свадьбе полагается быть после совершения обряда,— говорил он.— Это закон. С другой стороны, закуплены продукты. Среди них есть скоропортящиеся. Икру, кету, копчености сохранить плевое дело. Салаты пойдут на дно. Факт. Гусей шесть дней не продержать. Предположим, двух запихаем в морозилку. Остальных придется безвозмездно раздать родственникам. Как ни верти — материальные потери будут. Но мне лично денег не жалко. Я зарабатываю дай бог каждому. Вчера вечером надел я пижаму, чтобы лечь спать. Прибегает сосед, большой работник. Просит выгравировать на дамских часиках «Полет» надпись. Я говорю: «Видите, на мне венгерская пижама, мой рабочий день окончен, к тому же завтра у меня свадьба». «Саня,— говорит,— войди в мое положение. Целый день меня вызывали разные высокие инстанции, и я, старый дурак, начисто запамятовал, что у моей молодой супруги день рождения». Я написал всего четыре слова: «Лиле от мужа Павла» — и получил двадцатку. Так что, сами понимаете, деньги для меня — тьфу!

«Деньги, деньги, деньги, о них тоже долго говорил тот зануда покупатель,— вспомнила Татьяна.— Повеситься можно было, слушая этого нудняка. Он стоял в толпе перед прилавком чистенький, пухлый, розовый, калорийный и говорил, что он зарабатывает прилично, не привык считать копейки. Не в 20 граммах тихоокеанской селедки дело, ему важен принцип, а что касается денег, ему — тьфу, наплевать!»

Татьяна тихо закрыла за собой дверь. Через несколько минут она явилась в затрапезном платье, в котором обычно проводила генеральную уборку в канун больших праздников. Веремеев-жених, понятно, выпучил глаза.

— Как это понимать?

— Как хочешь.

— Надень платье и фату,— соскальзывая на фальцет, приказал жених.

— Тебя только и спросила,— ответила Татьяна.

— Татьяна Бобнева,— сказал Веремеев-отец,— наденьте фату и все что полагается по нормативам невесте, иначе я не сяду за стол.

— Ваше дело,— ответила Татьяна.

— Слышишь, сын Александр?

— Слышу, батя.

— Кумекаешь, куда невеста клонит?

— Кумекаю, батя.— И, повернувшись к Татьяне, сказал: — Не доводи меня до крайности. Я ведь и уйти могу. Навсегда. Не посмотрю на расходы, надену шляпу.

Татьяна сдернула с головы парик.

— Вопрос ясен,— сказал Веремеев.— Тебе, сын Александр, дали полную отставку. Выразили вотум. Но мы горевать не будем. На Татьяне Бобневой не сошелся клином белый свет. При заработках моего сына, товарищи гости, найти подругу жизни — раз плюнуть. Прибегут стаей. Приплывут косяком, успевай выбирать невод.

Гости замитинговали. Одни начали уговаривать Татьяну не дурить, не отказываться от личного счастья, другие насели на жениха, третьи кинулись в другую комнату, чтобы взять обратно свои подарки.

Веремеевы, как обещали, надели шляпы и ушли. Из соседней комнаты доносились возгласы: «А вот мой подарок!», «Тащи свой из-под низу кучи!». Татьяна бросила в угол парик и сказала:

— Садитесь, дорогие гости, за столы. Не обращайте внимания ни на что. Сегодня у меня будто открылись глаза. Быть может, это мое второе рождение!

Гости дружно расселись за столами. Выпили по рюмке, по второй, по третьей, после чего начался здоровый обмен мнениями по поводу происшедшего конфликта. Одни говорили, что у жениха, кроме заработков и усов, по существу, ничего выдающегося нет и что его батя (надо же в наше прогрессивное время так называть отца), видать, тип, уходящий в прошлое, который думает, что у нас, как в каменных джунглях, за деньги можно купить девичью любовь. Другие утверждали, что все перемелется, образуется и что в отношениях Татьяны и Саньки произойдет форменная разрядка напряженности, и во втором туре переговоров все войдет в норму.

После четвертой рюмки запустили на полную мощность радиолу, и молодежь пошла вихляться, выкидывать ноги в разные стороны и выдавать на-гора такие танцы, что небу стало жарко.

Только Татьяна Бобнева сидела у раскрытой коробки с сапогами, и крупные жемчужные горошины скатывались с ее щек на нестерпимо блестевший лак с золотыми шпорами.

Мих. ВЛАДИМОВ

Продается человек

К чудесам каким угодно
Ты привык, двадцатый век...
А сегодня что?
Сегодня —
ПРОДАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК!
Не подпольно, а прилюдно
Продается...
Вот она
Точно —
В долларах и фунтах —
Обозначена цена.
Продается, как машина
Марки, вышедшей в тираж,
Как набор монет старинных,
Как бассейн или гараж.
Продается без обмана:
Старше стал — в цене упал!
Все, кому он по карману,
Подходи и покупай!

Огляди,
Как строгий критик,
Полюбуйся, что за стать!
Вес проверь,
Пощупай икры.
Можешь ребра посчитать.
Продавец не уступает...
Торг идет.
Страстей борьба...
По рукам! —
И покупают
Человека, как раба.

Сам «товар»
При всем народе
Подмахнул контракта лист...

Это клубом клубу
Продан
Знаменитый футболист!

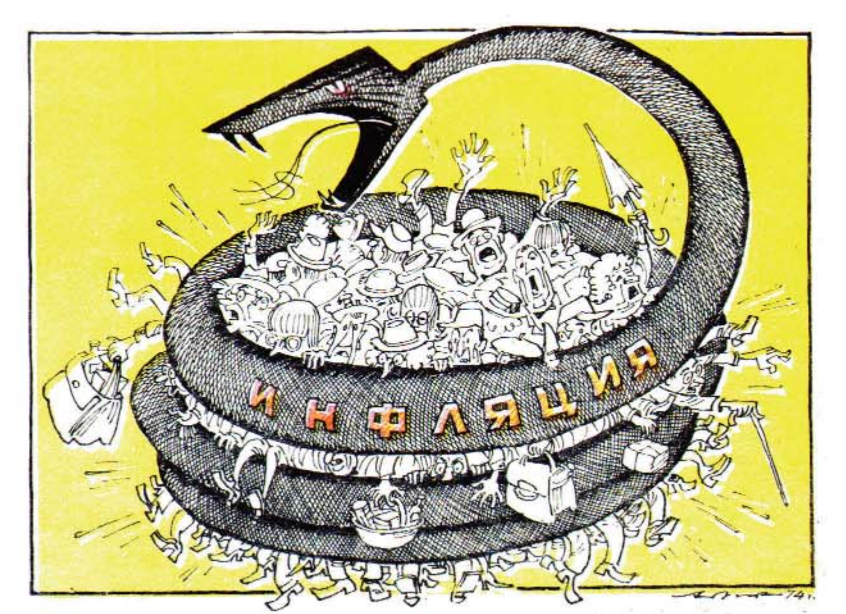

Нет пророка в своем отечестве. Эту евангельскую мудрость со вздохом повторяют ныне американские экономисты, сравнивая свои бодрые прогнозы с печальной действительностью. Например, осенью 1972 года они предсказывали, что цены в 1973 году поднимутся процента на 3, не более. Однако общий уровень цен подпрыгнул в среднем на 5,4 процента. Пророки - прогнозисты клялись, что в 1974 году экономику США не будут трясти спады. Но уже в первом квартале темп роста американской экономики упал на 6 процентов.

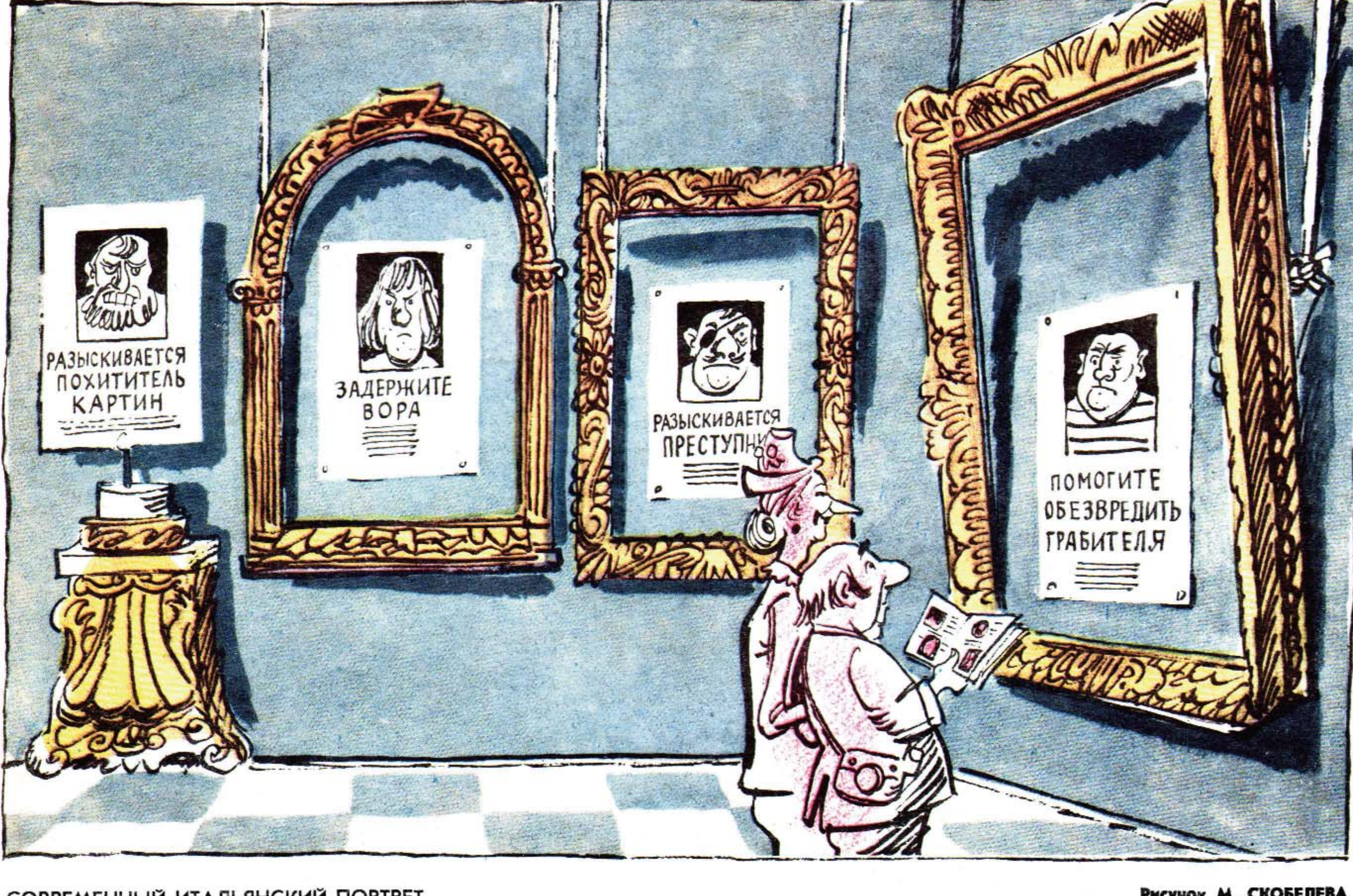
Обиженные финансовые умы склонны спихнуть вину на электронно - вычислительную технику и ее обслуживающий персонал. Видный экономист Кламан сказал так: «В то время как прогнозист все больше стремится создавать видимость точности, прибегая к вычислительной машине, заглатывающей и изрыгающей огромное количество информации, действительность часто опровергает научную оценку». Газета «Нью-Йорк таймс» от души советует предпринимателям «полагаться на чутье и не обращать слишком много внимания на прогнозистов».

Конечно, на электронно вычислительную машину можно наплевать, можно ее выключить, нехорошую, или без затей расколошматить кувалдой и сдать в металлолом. Но что делать с нехорошей экономикой!

Из-за продолжающейся инфляции в США стоимость жизни неуклонно повышается.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ — Рисунок М. АБРАМОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОРТРЕТ — Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

БЛИЗНЕЦЫ

Президенту Чили генералу Аугусто Пиночету

Ваше превосходительство!

Взяться за перо меня побудило ваше интервью корреспонденту франко-люксембургской радиостанции РТЛ. Если есть на свете подлинная хартия свободы, то это, без сомнения, ваше интервью. Вы тогда сказали: «Я поставлю Чили на ноги. Мы намерены развивать и углублять социальные достижения, но законными методами». И еще вы сказали: «Чилийский народ будет наслаждаться счастьем, которое приносят свобода и демократия». Эти слова, сказанные вами в перерыве между казнями, произвели на нас большое впечатление.

Ваше превосходительство! Мы тут, в Греции, очень интересуемся вашими достижениями. Ведь наши хунты — братья, вернее, сестры, можно даже сказать, двойняшки. И поэтому обращаемся к вам с братской, вернее, сестринской просьбой: когда в следующий раз будете сочинять дежурную баланду про «свободу и демократию», заложите в машинку два листочка под копирку и второй экземплярчик — с дипкурьером нам. Нам такие текстики тоже нужны позарез.

С глубоким уважением генерал Камерон Тюремякис.

Греческому генералу К. Тюремякису

Ваше превосходительство!

Был искренне тронут, получив ваше послание. Я думаю, что взаимный обмен опытом между нами, двумя генерал-демократами, был бы весьма полезным. Я твердой рукой пишу «демократами», ибо должен сказать, что мы были потрясены вашим новогодним посланием к народу Греции. В тихую рождественскую ночь вы объявили, что ваше правительство «приступило к созданию действительной демократии и справедливого государства». Этот исторический документ свидетельствует, что наконец-то демократия на ее родине в надежных руках.

А теперь спешу обменяться опытом. Итак, что мы сделали для того, чтобы чилийский народ мог наслаждаться счастьем и свободой? Мы открыли тюрьмы. Только не подумайте о нас худо: открыли для того, чтобы впускать, а не выпускать. Успешно боремся с бюрократией и волокитой. Скажем, кому-то не по вкусу наши порядки. Три минуты — и военный трибунал выносит приговор. Человек избавлен от мучительных ожиданий и раздумий.

Ну, а как осуществляется демократия у вас? Напишите.

С генеральским приветом Пиночет.

Генералу Пиночету

Ваше превосходительство!

Меня очень радует тот факт, что, несмотря на большое расстояние, разделяющее наши страны, мы так близки по формам и методам правления. Вот, скажем, военные трибуналы. Они есть и у нас. И смею вас заверить — тоже не бездействуют. Злые языки утверждают, что наша хунта препятствует общественному прогрессу. Враки! Кто был до нас у власти? Полковники. А теперь кто? Генералы! Так есть прогресс или нету, я вас спрашиваю?

А сколько сил мы вкладываем в развитие народного просвещения! Особливо мы приобщаем народ к географии, в частности, организуем массовые экспедиции на острова. Я, например, предложил вновь использовать остров Юра в Эгейском море в качестве концентрационного лагеря для тех, кто еще не созрел для генеральской демократии. И теперь у нас что ни остров, то концлагерь. Кстати, как у вас насчет этой географии?

С наилучшими пожеланиями увеличить выпуск колючей проволоки
генерал Камерон Тюремякис.

Дорогой генерал Тюремякис!

Спешу сообщить вам, что остров для массовых экскурсий у нас тоже есть. Если вы учили в школе географию, то должны знать о Магеллановом проливе. Так вот тут и расположен остров Досон. Место исключительно живописное, и мы его используем в оздоровительных целях, так сказать, для закалки. Ведь отсюда до Антарктиды всего каких-то 1250 километров. И мы туда посылаем немало людей, чтобы не говорили, будто Чили — это застенок.

Мы заботимся и о ночном покое горожан. Бургомистр нашей столицы полковник Хернан Сепувельда Канас одним из своих первых декретов запретил пользоваться автомобильными сигналами. Правда, нашлись люди, которые стали говорить, что грохот автоматных очередей и лязг танковых гусениц действуют почище автомобильных гудков. Но разве всем угодишь?

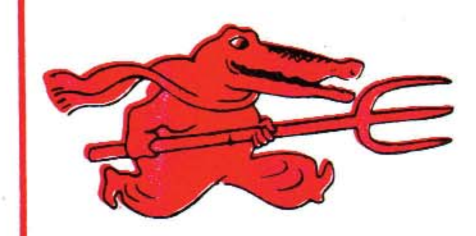
Хайль! Пиночет.

Дорогой генерал Пиночет!

Недавно мы конфисковали у одного нежелательного иностранца мексиканский журнал «Сьемпре». Так там прямо сказано: «То, что происходит в Чили, ничем не отличается от того, что происходило сорок лет назад в Германии, когда гитлеровцы захватили власть. Чили представляется лабораторией нового нацистского эксперимента». Я поздравляю ваше превосходительство с тем, что вы считаетесь достойным продолжателем дела фюрера. Льщу себя надеждой, что мы в создании демократии по-фашистски не отстанем от вас и окажемся достойны такого же признания.

Ваш единомышленник генерал Камерон Тюремякис.

Генеральские письма доставил в редакцию Я. МАЛЫКИН.

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ

Что уж скрывать: раньше, может, и были грехи — керосинки и примусы ставили не совсем противопожарно. Но уже четыре года все в полном ажуре. Керосинки мы ставим на железные подставки. А еще точнее, на газовые плиты. Очень удобно. Хозяйки не нарадуются.

Преобразились и ванные комнаты. Раньше надо было вбивать гвозди в стены, чтобы, например, повесить бельевые веревки. Но уже четыре года никаких гвоздей. Веревки можно привязывать к прочным и надежным газовым колонкам.

В общем, что и говорить, жить стало как-то удобнее. Тем более, что за четыре года первоначальное назначение газовых плит и газовых колонок как-то потихоньку забылось и никто даже приблизительно не знает, когда могут подключить газ к нашему дому № 1 по улице Ватутина.

Е. ЛЕПЕНЫШЕВ.

г. Казань.

Спасибо Митьке!

Все началось с кота. У одного профессора был любимый кот Митька, который обожал царапать мебель и драть на ней кожаную обивку. По вине этого кота и возникла необходимость реставрировать мебель.

Короче, ученый, в дальнейшем именуемый «заказчик», обратился к услугам бытовой фирмы «Невские зори». А надо сказать, что до того, как стать заказчиком, наш ученый прочитал немало фельетонов по поводу низкой культуры обслуживания, хамства и грубости в сфере быта. И был соответствующим образом настроен.

— Ремонт мебели? — спросила его фирма.— С удовольствием. Ждите нашего представителя на дому для осмотра и оценки.

Заказчик сначала не поверил своим ушам, но, когда представитель фирмы появился у него дома, он понял, что заблуждался.

Между тем представитель осмотрел диван, кресла, стол и шкаф и заявил, что ремонт обойдется клиенту в 15 рублей за штуку, итого за девять предметов сто тридцать пять целковых, не считая обивочного материала.

— А сколько за обивочный? — спросил клиент.

— А нисколько,— ответил представитель.— Нету его у нас. Ищите в магазинах.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что фирма остро нуждается в гвоздях. И, если честно говорить, в спирте. Для полировочных целей.

— Три литра надо,— сказал представитель и почему-то порозовел.

— А где я его возьму? — спросил заказчик.

— Ну тогда два,— уточнил представитель. (Позднее выяснилось, что для полировочных целей применяется обычно политура.)

Итак, фирма приступила к выполнению заказа. Был оговорен и срок — максимум два месяца.

Но тут возникло непреодолимое препятствие. Точнее, несогласованность действий между заказчиком и транспортом, предназначенным для вывозки мебели в мастерскую. Когда предупрежденный заранее заказчик сидел дома, не было машины. Когда приходила машина, заказчик отсутствовал, поскольку не был предупрежден.

Наконец месяца через два они все же встретились.

А на следующий день в квартире заказчика раздался телефонный звонок. Милый женский голос поздравил клиента с наступающим Новым, 1974 годом и предложил немедленно, до его наступления внести в кассу фирмы 870 целковых.

Названная сумма вызвала у заказчика легкий шок, и он поспешил, но не в кассу, а к генеральному директору фирмы Павлу Арсеньевичу Шпортько.

Генеральный принял клиента в высшей степени корректно, любезно посоветовал деньги пока не вносить и никаких документов не подписывать. Он обещал во всем лично разобраться и представить заказчику уточненную калькуляцию.

Для уточнения калькуляции, по-видимому, пришлось созвать симпозиум крупнейших математиков мира, потому что на это мероприятие ушло еще около двух месяцев. Зато в результате уточнения стоимость ремонта сократилась ровно вдвое.

Возникли трудности с полировкой. Выяснилось, что все столяры мебельного цеха, предназначенного для обслуживания населения, работают по договорам в разных учреждениях, в связи с чем обслуживать это самое население им просто недосуг...

Когда все препятствия были преодолены, работа пошла веселее и через каких-нибудь два-три месяца все было готово.

Как видите, ни хамства, ни грубости в работе данной фирмы не наблюдается. Все беседы проходили на высоком культурном уровне.

Спасибо коту Митьке. Если бы не он, профессор так и не узнал бы, какие вежливые и воспитанные люди работают в фирме «Невские зори».

Ю. БОРИН.

г. Ленинград.

ШТАМПОВАННЫЕ ТУРИСТЫ

Туризм — дело хорошее, и он славно развивается, в частности туризм железнодорожный.

Только развивается все-таки как-то однобоко: специальные поезда отводятся лишь для путешественников-людей.

Такая однобокость работникам станции Ковров, видно, показалась несправедливой. Поэтому стальным штамповкам, которым предстоял путь лишь в несколько десятков километров — до станции Металлист Горьковской железной дороги,— они решили показать достопримечательности Средней Азии. Вагон № 6556745 с этими штамповками прицепили к порожняковому составу и отправили в Петропавловск, а затем он пошел кружить по колеям Казахстана и Киргизии.

Последний раз стальных туристов вместе с вагоном, в котором они путешествуют вот уже третий месяц, приметили на станции Рыбачье (Киргизская ССР).

Увлекательный вояж продолжается.

А. ДИКУШИН.

г. Павлово, Горьковской области.

А ВДРУГ?

Врачи, педагоги, психологи и прочие ученые люди в панике хватаются за головы. При этом они твердят слово, которое отсутствует в словаре Ожегова, — «телемания». Оно означает страсть граждан часами просиживать перед голубым экраном.

«Угроза для здоровья»,— настаивают врачи. «Антипедагогично!» — вещают воспитатели. «Давление на нервную систему»,— формулируют психологи.

К голосу ученых прислушиваются. Некоторые обнадеживающие данные в этом смысле сообщил нам из Славгорода, Алтайского края, сотрудник местной газеты Э. Гюнтер. Из письма явствует, что в текущем году число телеманов в Славгороде резко снизилось и продолжает падать. Случилось это после того, как телепередачи стали транслироваться из Барнаула, тогда как раньше они шли из Павлодара.

С пуском новой ретрансляционной линии на экранах все вечера напролет, с небольшими перерывами, мельтешит нечто, напоминающее рыболовную сеть. Поначалу жители Славгорода полагали, что смотрят многосерийный детектив о браконьерах, но по истечении нескольких недель стало ясно, что гипотеза эта несостоятельна. Лишь самые стойкие продолжают ждать развязки. Другие же переключились на доголубоэкранные занятия: вяжут, вышивают крестиком и даже читают художественную литературу.

Однако угроза телемании по-прежнему существует, ибо телевизионных дел мастера все-таки обещают в конце концов выпустить на экраны Славгорода обычную программу. Маловероятно, конечно, но вдруг?

Р. ТИМОВ.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МУСОРА?

От мусора избавляются по-разному. Одни спускают его в мусоропровод. Другие сжигают. Третьи сваливают у соседского забора.

Но есть и совершенно новый способ, родившийся на Магнитогорском метизном заводе.

Берутся обыкновенные контейнеры, и в них сваливается всякая дрянь: банки, бутылки, тряпки, рваные галоши. Сверху все это присыпается какой-нибудь продукцией, скажем, гвоздями, а затем отсылается какому-нибудь предприятию - потребителю, в данном случае — Казанским электросетям.

Пропорция: 900 килограммов мусора и 200 кило гвоздей на контейнер. Это вполне рентабельный метод, так как мусор идет по цене гвоздей.

Можно сбагрить мусор и так, как делает алма-атинская база «Металлоснабсбыт». Она на грузовой машине вместе с феррохромом отправила Усть-Каменогорскому «Востокмашзаводу» великое множество разных предметов, которые еще никогда не применялись для плавки стали. А именно: обрывки рогожи, куски бетонных столбов, кирзовые сапоги (непарные), сухая селедочная голова, старый керогаз без фитилей и т. п. В результате получилось новое, еще небывалое сырье — феррохлам, зато территория алма-атинской базы «Металлоснабсбыта» стала заметно чище.

Е. Ц.

ШИРПОТРЕБ КРОКОДИЛА ДЛЯ:

рвача-водопроводчика

кляузника

шабашника

Рисунки В. САФОНОВА

СЦЕНА У ШАЙКИ

Дело больно щекотливое. Прямо-таки почти интимное дело. Про это... про женскую баню речь. Автору как все-таки мужчине неловко. Хоть брось и не пиши. А писать надо.

Так вот, заходит гражданка Н. в мыльную местной баньки. В полном, сами догадываетесь, неглиже. Приступает к помыву. Ни о чем, кроме горячей воды и мочалки, не помышляя.

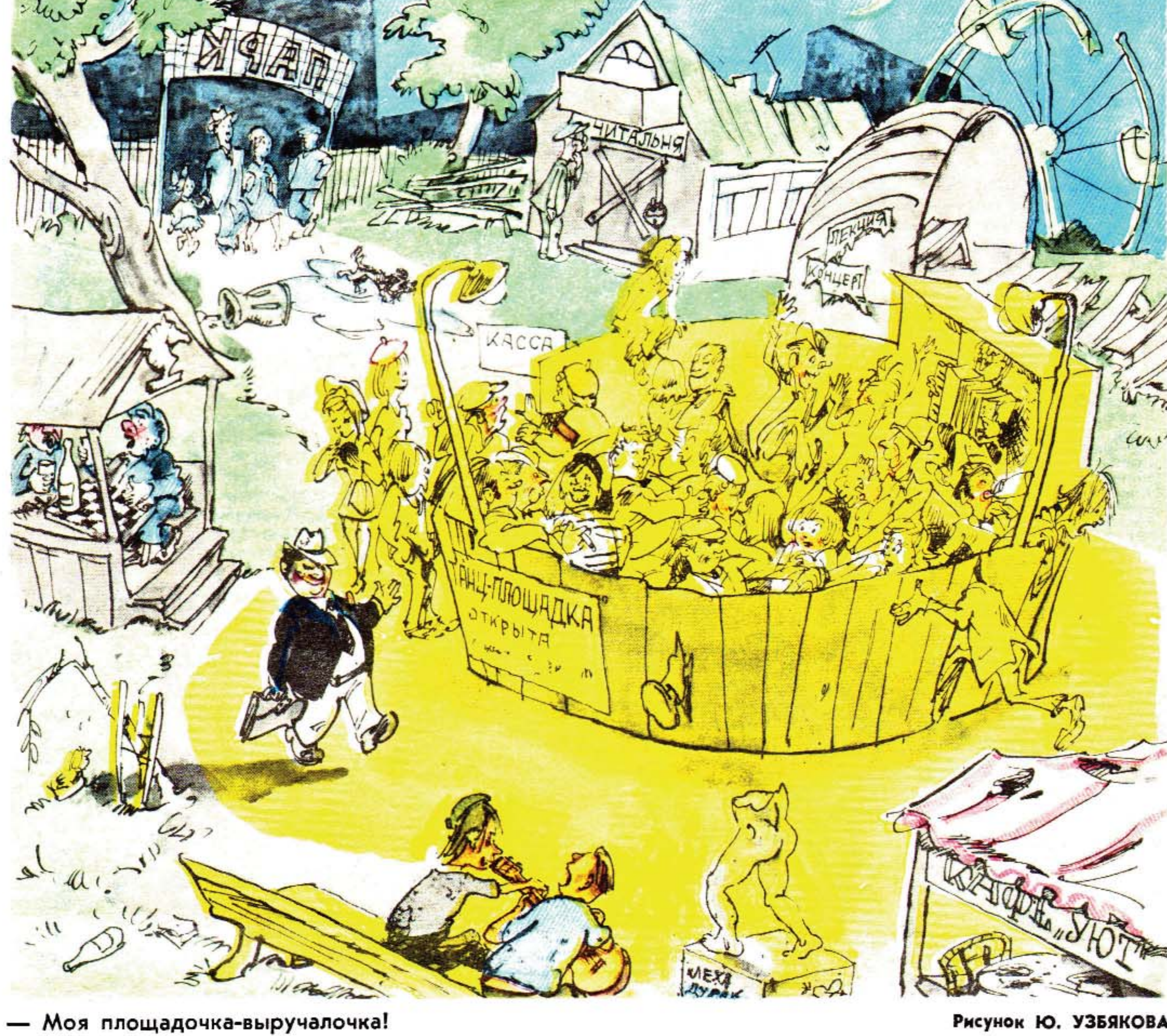
И вдруг из облаков влажного пара и грохотанья шаек возникает чудное видение. Ну, не совсем видение, а вполне материальная фигура в лице начальницы гражданки Н.

Начальница начинает совершенно неожиданно кричать. Она кричит не оттого, что, скажем, случайно ошпарилась горячей водой. И не по причине, к примеру, пропажи куска семейного мыла. Она кричит, воспитывая застигнутую при гигиенической процедуре гражданку Н., которой, в общем, деваться некуда. Начальница указывает на промахи в ее работе.

И вот стоит бедняга Н., одетая максимум в мыльную пену, и выслушивает разнос.

Конечно, подчиненных можно воспитывать. Разумеется, иной раз можно указывать на огрехи в их работе. Но у банной шайки? Уж это как-то чересчур. Какой-то не вполне солидный метод применен помощником начальника продснаба Бурибаевского рудоуправления (Башкирская АССР) Е. Кудрявцевой. Как-то поступает она не совсем, я бы сказал, по-джентльменски.

Р. МИХАЙЛОВ.

— Моя площадочка-выручалочка!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Г. КЕМОКЛИДЗЕ

Домашний крокодил

Житель Нижневерхска Пантелей Феофаныч Семушкин приобрел с рук большого добродушного крокодила. Следует отметить, что Пантелей Феофаныч жил в коммунальной квартире. Сосед Пантелея Феофаныча Рассольников тут же прослышал о покупке и пришел на нее взглянуть.

— Вы посмотрите, какая прелесть! — похвастался Семушкин соседу.— Рост чудесный, цвет модный и, самое главное, не кусается! Можете, если хотите, сунуть ему в пасть руку.

Рассольников от предложения отказался, но покупку сдержанно похвалил. И, кстати, поинтересовался:

— А где же вы, Пантелей Феофаныч, намерены держать этого хищника?

— Как то есть где? — удивился Семушкин.— В комнате. Вы ведь держите у себя в комнате кошку. А кошка, как известно, тот же хищник.

— Хищник хищнику, к вашему сведению, рознь,— заметил Рассольников.— Но в общем-то держите, раз уж вам так заблагорассудилось, дело хозяйское. Но только предупреждаю вас, чтобы в прихожей, на кухне и, естественно, в санузле я этого зверя не видел.

— Хищник хищнику действительно рознь,— согласился Пантелей Феофаныч.— Мой крокодил гораздо спокойнее вашей кошки. Не говоря уже о том, что он не линяет. Так почему же ей позволено появляться в прихожей и на кухне, а моему крокодилу вход воспрещен?

— Ну что ж, посмотрим,— многозначительно произнес Рассольников и ушел к себе.

Посмотреть ему удалось в этот же вечер. Крокодилу надоело гулять по комнате, он самостоятельно открыл дверь и выполз в прихожую, где безмятежно умывалась рассольниковская Мурка. Увидев крокодила, кошка выгорбила спину и зашипела, но чудовище так нежно посмотрело на нее, что кошка сразу же успокоилась. Подойдя к крокодилу, Мурка осторожно тронула его лапой за морду, и в ответ на ласку крокодил благодарно потерся носом о кошачий бок. В этот момент из туалета вышел Рассольников.

— Назад! — закричал он не своим голосом кошке.

Крокодил вздрогнул и метнулся обратно в комнату. Кошка одним прыжком очутилась на шкафу. А разгневанный Рассольников сел писать заявление в домовый комитет.

Заседание домового комитета состоялось на следующий день. Принаряженный Пантелей Феофаныч явился вместе с крокодилом и потребовал, чтобы Рассольников прихватил свою кошку. Когда все собрались, Пантелей Феофаныч, не говоря ни слова, раскрыл крокодилу пасть и сунул в нее свою голову. Все замерли. Остановились даже стенные часы. Крокодил терпеливо ждал окончания эксперимента. Наконец, Пантелей Феофаныч вынул голову из крокодиловой пасти и предложил:

— Каждый, кто хочет, может повторить мой опыт, чтобы убедиться в полной безопасности крокодила для жителей дома.

Члены домового комитета стали посматривать друг на друга, и чаще всего взгляды скрещивались на председателе. После мучительных внутренних борений председатель домкома решился и четким шагом подошел к крокодилу.

— В случае новых выборов,— грустно сказал он, повернувшись к залу,— все документы у жены.

Зажмурившись, председатель сунул голову в гостеприимно распахнувшийся зев.

Крокодил с честью выдержал испытание, хотя с головы председателя скатывались холодные капли пота, щекоча нежное крокодилье горло.

— А теперь,— предложил Пантелей Феофаныч,— пусть кто-нибудь засунет хотя бы палец в рот кошке Рассольникова. Медицинское обслуживание я беру на себя.

Желающих рисковать пальцем не оказалось, и домовый комитет постановил оставить жалобу без внимания.

Нужно сказать, Рассольников сразу не сдался. Он написал несколько кляуз, заявлял в милицию, но все его происки разбивались о железные доводы Пантелея Феофаныча. Крокодил же преспокойно разгуливал по прихожей, наведывался на кухню и в совмещенный санузел, где с удовольствием купался в ванной.

И вдруг совсем недавно встречаю я Пантелея Феофаныча в новом жилом районе.

— Получил здесь квартиру,— похвастался он.

— Прекрасно! — порадовался я за него.— Теперь вашему крокодилу простор.

— Да я этого зверя в зоопарк сплавил,— ответил Пантелей Феофаныч.

— Как! — вскричал я.— Вы же его так любили!

— А зачем в отдельной квартире крокодил? — удивился Семушкин.— Кому я что этим докажу? Опять же, там я жил на последнем этаже, а здесь на первом. Вдруг сосед сверху задумает в пику мне завести бегемота? Будет целыми днями над головой топтаться...

г. Ярославль.

По тому же поводу

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Дорогой собрат и коллега Асвар Асваров! «Крокодил» поздравляет тебя с Новым 1975 годом, и желает...

Позвольте! Ведь во многих местах хлеба еще не достигли молочно-восковой спелости, ведь лето едва набирает силу — а уже с Новым годом?

Да, уже теперь с Новым годом вас, дагестанские труженики села Мискинджи. При большой нелюбви республиканских инстанций к современным средствам связи за полгода как раз и дойдет поздравление.

— Мискинджи, Мискинджи...— заведет глаза к потолку памятливый читатель.— На странице восьмой «Крокодила» № 13 за 1973 год приводились же факты из письма журналиста Асвара Асварова!

Приводились, несомненно, были. Но не сбылись надежды и чаяния.

Хорошо, что не эрами и эпохами, не плейстоценами и кайнозоями измеряется данное дело. Измеряется пока что оно пятилетками.

И в восьмой пятилетке, в году 1966-м, со скатками провода через плечо, на подошве из диэлектрика пришли в Мискинджи из Дербента монтеры, строители.

Да, сбывалось. Осела пыль строительного алебастра, и глазам общественности предстал светлый залец — сельская АТС на пятьдесят номеров. Более не требовалось идти за двенадцать километров в Ахты, чтобы выйти на связь со страной.

И в пятьдесят указательных пальцев люди бросились набирать номера, и потом в пятьдесят указательных пальцев чесали озадаченно темя: связь молчала!

Тогда бросилось население на розыск монтеров-связистов. Но не было уж монтеров, монтеры ушли в Дербент под прикрытием оседающей алебастровой пыли.

А семнадцать тысяч вложенных в это дело рублей — тоже деньги. А связь со страной, с руководящим райцентром — не последнее дело!

Тут пошли в Махачкалу на поклон ходоки, возвысила голос печать районная, республиканская и союзная.

В результате обнадежил всех в первый раз заместитель председателя Совета Министров республики М. Абуев. Что, мол, уже принимаются меры для подключения Мискинджей к Ахтам. Что данный вопрос не снимается с контроля Совета Министров.

А пятилетка шла уж другая, и шла к концу. Устойчиво работала связь с дрейфующими станциями «Северный полюс», и бортовые системы межпланетных станций функционировали нормально.

Лишь Мискинджи находились на отшибе от мира. В 1972 году, через семь лет от точки отсчета, снова разослал М. Абуев бумагу, что республиканское управление связи договорилось с трестом плодовых совхозов. Управление произведет все работы, трест работы оплатит, и 1 октября 1972 года заговорит великий немой — мискинджинская АТС.

Рухнули планы. И зря даже сегодня совхоз «Мискинджинский» прикладывает руку к груди, зря умоляет республиканское управление связи: мы отказываемся от владения, владейте нашим семнадцатитысячным достоянием, дарим его вам — только вдохните жизнь в аппараты!

Но не хочет ничего ни во что вдыхать управление. Молчит АТС.

ПАМЯТИ ДРУГА

После тяжелой болезни безвременно скончался писатель-сатирик Иван Васильевич Костюков.

Он родился в 1909 году в рабочей семье и четырнадцатилетним пареньком начал трудовую жизнь — учился в ФЗУ, работал слесарем на автозаводе. В 1929 году вступил в партию, а затем стал политработником Красной Армии. В грозные годы Великой Отечественной войны И. В. Костюков принимал участие в боях в составе войск Ленинградского, Западного и 1-го Украинского фронтов — был начальником политотдела, комиссаром танковой бригады, командиром гвардейской механизированной бригады. Тяжкое ранение в 1944 году прервало ратный путь гвардии подполковника И. В. Костюкова. За мужество и доблесть на полях сражений он был награжден боевыми орденами и медалями.

После войны Иван Васильевич стал всерьез пробовать свои силы в литературе. Уже первые его рассказы и фельетоны, появившиеся на страницах «Крокодила» в те годы, обратили на себя внимание читателей острой наблюдательностью, мягким юмором. С 1949 года И. В. Костюков зачисляется в штат редакции «Крокодила».

Начав работать литературным сотрудником отдела писем, он вскоре назначается редактором отдела, а затем — заместителем главного редактора. Большой опыт организатора, партийная принципиальность, высокая требовательность, простота и душевность в общении — все эти качества И. В. Костюкова сослужили журналу добрую службу.

Иван Васильевич Костюков растет и как журналист, как писатель. Его фельетоны и рассказы публикуются в «Правде», «Известиях», в других центральных газетах и журналах, выходят сборники его произведений. Сильное недомогание — следствие тяжкого ранения — не мешает ему выезжать в творческие командировки, организовывать на местах рейды «Крокодила», проводить конференции читателей в разных городах страны...

Четверть века, до последних дней жизни, И. В. Костюков был своим творчеством, помыслами и заботами связан с «Крокодилом». Его оптимизм, энергия, бодрость духа неизменно вызывали у всех окружающих искреннее уважение. Свидетельством завидного трудолюбия И. В. Костюкова останется изданная два года назад книга «Нестор из «Крокодила» — своего рода антология произведений авторов-крокодильцев за пятьдесят лет, в работе над которой он принимал участие как составитель.

Ушел из жизни дорогой нам человек большой души, мужественный и скромный, талантливый и сердечный. Мы сохраним память о нем, о его трудной, честной, светлой жизни.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В эти дни наиболее четко и слаженно трудится птичница А. Д. Гленбало. Вместо 18 по плану она от каждой курицы-несушки ежесменно получает более 22 яиц».

Газета «Гвардеец труда», г. Новотроицк.

«Гастроли Березниковского драматического театра.

9 июня (вечер), 26 — «ПРОСПИСЬ И ПОЙ».

Газета «Звезда», г. Пермь.

ЖАЛОБА

«Сегодня, в 19-40, гардеробщица нагрубила мне без всяких причин».

ОТВЕТ НА ЖАЛОБУ

«Ваша благодарность передана работникам кухни.

Директор столовой Л. Машнина».

Прислал В. Грошев, г. Красноярск.

«Но все будто прошло: и волнение, и страх перед тридцатью мальчишками и девчонками, шестидесятью парами глаз.

Мечта... Человек издавна дерзновенно мчится к ней. Учась еще в школе, мечты бывают разные».

Газета «Вперед к коммунизму», пос. Яя, Кемеровской области.

«11—12 апреля 1974 года котлопункт нижнего склада закрывается на санитарный день ввиду прихода тараканов.

Администрация».
(Объявление).

Прислал И. Некрасов, Братский район, Иркутской области.

«Продается дом на снос с баяном».

Прислал Е. Лапето, г. Киев.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Надо же: как воскресенье, так обязательно дождь!

«Сё», Швеция.

— Простите, но мне ничего не было видно с моего места!

«Рир», Франция.

Слова, слова...

Переходным называется возраст, когда сын стоит уже на собственных ногах, но еще в папиных ботинках.

Фольклор австралийских аборигенов.

Гостеприимство — искусство задерживать гостя так, чтобы не помешать ему уйти.

Из французского учебника этикета.

Воздушным замкам — прочный фундамент!

Из советов голландским молодоженам.

Пусть это дорога в никуда. Но зато на всем пути зеленый свет!

С.Б.С. Джоунс, американский писатель.

Все беззакония давно уже узаконены: на каждое есть статья.

Из воспоминаний рецидивиста.

Его правилом всегда было рассчитывать на исключение.

А. Давид, французский писатель.

Последний день Помпеи — праздник для археологов.

Из выступления на археологическом симпозиуме.

Шандор НОВОБАЦКИ (Венгрия)

ОГРАБЛЕНИЕ

Однажды вечером мадам Мими Делафер, владелица шляпного салона, вышла на улицу. Вдруг на нее набросился какой-то мужчина и, не дав опомниться, затолкал ее в автомобиль. За рулем сидела женщина. Машина сразу рванула с места. Неизвестный, направив на мадам Делафер пистолет, выхватил у своей жертвы сумочку с дневной выручкой. Бандиты вывезли бедную женщину за город и попросили выйти...

В полиции дело взял в свои руки инспектор Лапуэн. Он начал с допроса пострадавшей.

— Какая машина была у преступников? «Рено», «ситроен», «мерседес»?

— Кажется, «рено»... а может, «ситроен»...

— Машина была большая или маленькая?

— Как вам сказать... Довольно большая, хотя внутри она казалась маленькой. А может быть, наоборот...

Инспектор вздохнул:

— Ну хорошо. На вас направили оружие. Скажите, пожалуйста, какое это было оружие?

— Знаете, это — такая штука с дырочкой на конце, из которой стреляют...

— Прекрасно. Но что же это было? Пистолет? Ружье? Автомат? — Инспектор начал терять терпение.— А может быть, пушка?

— О да, да, наверное, пушка.

— Вам завязали глаза, сударыня?

— Нет, вовсе нет!

— Прекрасно! Тогда скажите, какой дорогой вас везли?

— Что значит, какой дорогой? Это ведь не экскурсионный автобус. Только там говорят, где он проезжает.

— Ну, хорошо. Скажите, когда машина отъехала от вашего салона, она повернула направо или налево?

— Постойте-ка, сейчас вспомню. Направо? Нет, налево! Хотя, пожалуй, вернее было бы сказать: и направо и налево.

— Мадам, вы парижанка?

— Мсье, я здесь родилась и всегда жила.

— Тогда вы должны знать, как вас везли. Сену вы переезжали?

Мадам Делафер всхлипнула:

— Боже, разве я смотрела, куда они меня везут?

— Но своих похитителей вы хотя бы запомнили?

— Мсье, мне искренне жаль, что я так мало могу вам помочь. Ну, что я запомнила... Это были мужчина и женщина. Мужчина такой... никакой! А на женщину я и не смотрела. Заметила только, что на ней был бежевый костюмчик, на юбке снизу редкие складки. Длина обычная, десять сантиметров выше колен, декольте в виде лепестка, сильно подчеркнутая талия без пояса, но такой фасон, который можно носить и с поясом. На шее дамы было украшенное бриллиантами колье, но, скорее всего, камни — просто дешевая подделка. Надушена она была сильнее, чем этого требует хороший вкус, духи «Магриф» фирмы «Корвен».— Мадам Делафер сделала паузу и расплакалась: — Господин инспектор, больше я ничего не помню!

Инспектор повеселел:

— Я вам очень благодарен, мадам. Еще одно уточнение: как выглядела дама и хотя бы приблизительно сколько ей было лет?

— Она была страшна, толста, и лет ей было около пятидесяти.

Инспектору Лапуэну повезло. После такого подробного описания поймать преступников не составляло труда. Но бандитов задержали лишь через несколько месяцев. И вот почему: женщина, которая вела машину, была красива, изящна, как тростинка, и лет ей было двадцать шесть.

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

Ежи ВИТТЛИН (Польша)

АНЕКДОТЫ КСТАТИ

Польский сатирик Ежи Виттлин специализируется на сочинении всевозможных комических пособий и иронических справочников. В Польше популярны его «Пособие для графоманов», «Спутник начальника», «Справочник для нервных» и др.

Недавно Ежи Виттлин выпустил в свет новую книгу — «Пособие для рассказывающих анекдоты». В ней автор приводит 600 ситуаций, в которых можно кстати рассказать соответствующий анекдот.

Вот несколько из них.

В ТАМОЖНЕ

Если вы возвращаетесь из-за границы и таможенный чиновник спрашивает, что у вас в большом чемодане, скажите ему:

— Еда для собаки.

Если же таможенник все-таки попросит открыть чемодан и удивится: «Но здесь ведь женское белье. Этого собака есть не станет»,— ответьте: «Ну, не захочет, так не будет».

У ТЯЖЕЛОБОЛЬНОГО

Навестив тяжелобольного, можно развлечь его анекдотом о больном, который ночью вызвал доктора.

Доктор выслушал больного.

— Ну, как? — спросил больной.

— В порядке,— ответил доктор.— Пульс нормальный. А как у вас сон?

— Хороший.

— Аппетит?

— Отличный.

— Это прекрасно,— сказал доктор.— Я вам пропишу лекарство, и все — пульс, сон, аппетит — как рукой снимет.

В РАЗГОВОРЕ С ХВАСТУНОМ

Если при вас кто-нибудь кичится успехом, сомнительным для окружающих, вспомните как бы случайно следующую историю.

Один писатель хвалился как-то своему коллеге:

— Со времени нашей последней встречи количество моих читателей удвоилось.

— Поздравляю! — воскликнул коллега.— Я и не знал, что вы женились!

ДЛЯ НЕДОВОЛЬНЫХ КРИТИКОЙ

Если кто-нибудь выражает несогласие с критикой, можно рассказать такой анекдот.

Один американский режиссер экранизировал роман Хемингуэя. После премьеры ему передали, что Хемингуэй весьма отрицательно отозвался о фильме.

— Этому могут быть только два объяснения,— категорически заявил режиссер,— либо Хемингуэй не видел фильма, либо не читал роман.

ДЛЯ ЭКОНОМНОЙ ЖЕНЫ

Если жена показывает блузку, которую сама сшила, похваляясь, что этим она сэкономила много денег, расскажите ей случай с одним шотландцем.

Как-то шотландец пришел домой удивленный и мрачный.

— Что случилось? — спросила жена.

— С сегодняшнего дня проезд в трамвае подешевел на полпенса.

— Так почему же ты огорчен?

— А как же! Представляешь себе, насколько меньше я буду теперь экономить, возвращаясь домой пешком...

ПРИ «ЗНАТОКАХ ИСКУССТВА»

Если кто-нибудь при вас высказывает безапелляционное мнение об искусстве, являясь полным профаном, уместно рассказать такой анекдот.

Один посетитель в мастерской известного скульптора спросил его:

— Где вы взяли такую изумительную статую?

— Я вырубил ее из куска мрамора,— ответил скульптор.

— А откуда вы знали, что она находится именно в этом куске?

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Дядя Маноле, почему вас называют лесником?

Кринолин.

Рисунки С. ЗАГОРОВА, КАРАНДАША, В. МАРИНОВА (Болгария)

КРОКОДИЛ

№ 19 (2101)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, Е. Милутка, В. Сафонов, А. Семенов, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Токмаков, Ю. Узбяков, Н. Щербаков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18/VI 1974 г. А 00819. Подписано к печати 28/VI 1974 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 650 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 367 350). Изд. № 1694. Заказ № 2413.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.